

ДОБЫЧА

«Захватывающая сага об искусстве,
войне, любви и поиске собственного
предназначения, события которой
разворачиваются в Индии и Европе»,
— *NPR*

ТАНЯ ДЖЕЙМС

Таня Джеймс

Добыча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70399003

Добыча: Лайвбук; Москва; 2024

ISBN 978-5-907784-06-2

Аннотация

Конец XVIII века. Индийский город Майсур. Юный резчик по дереву Аббас работает вместе с французским изобретателем Люсьеном Дю Лезом над созданием рычащего механического тигра. Тигр должен стать величайшим сокровищем в коллекции Типу Султана. Однако в Майсур приходят англичане, дворец Типу Султана разграблен, автоматон в качестве военного трофея уезжает в Британию. И Аббас, едва выживший в кровавой бойне, неожиданно понимает, что творец и его творение накрепко связаны друг с другом. Ему приходится отправиться за тигром в холодную и непонятную Европу...

Невероятно захватывающий, трогательный исторический роман о чуде истинной любви и о волшебстве таланта, который преодолевает любые обстоятельства и расовые предрассудки.

Содержание

Шрирангапаттана, Майсур, 1794	7
1	7
2	31
3	34
4	49
5	60
6	73
7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Таня Джеймс

Добыча

Посвящается Луке и Саяну

TANIA JAMES
LOOT

© Таня Джеймс, 2023

© Евгения Макарова, перевод на русский язык, 2023

© Livebook Publishing LTD, 2023

Шрирангапаттана, Майсур, 1794

1

В день, когда его заберут из семьи, Аббас вырезает павлина на дверце шкафа. Регулируя силу нажатия указательным пальцем, он погружает острие стамески в розовое дерево. Бороздки становятся глубже, появляется клюв. Он принимается за перья, уложенные как чешуя. Аббас прекрасно справляется со своей задачей, а еще ему никогда в жизни не было так скучно.

Рядом на циновках сидят его отец и два старших брата, Джунаид и Фарук. Джунаид, прижав кусок древесины коленом, отсекает все лишнее ударами молотка и долота – *тук-тук!* Фарук делает наброски павлинов для изголовья. Отец занят шлифовкой и время от времени бросает на Аббаса предупреждающий взгляд.

– Больше никаких игрушек, – недавно сказал ему отец. – Кровати и шкафы, все. От игрушек одни неприятности.

Остановившись, чтобы разогнуть спину, Аббас отвлекается на голубя, вспорхнувшего с крыши дома на другой стороне переулка. Любопытно, не правда ли, что птицы качают головой, когда ходят, но не когда летают? (Аббас находит это очень любопытным, хотя кто-то скажет, что именно любо-

пытство и есть его главная проблема.) Интересно, может, это связано с соединительным механизмом между ногами и шейей? И если конструировать механического голубя, задумывается он, как можно было бы спроектировать голову, чтобы она дергалась при каждом шаге?

Затем он вспоминает, что однажды сказал ему друг.

Если задавать слишком много вопросов, то очень скоро допрашивать начнут тебя.

Аббас откладывает стамеску, чтобы поменять ее на другую, и в этот момент на пороге появляется человек со штыком выше собственного роста. По тигриным полоскам на рукавах Аббас узнает в нем одного из королевских гвардейцев Типу Султана.

– Ты Аббас, сын Юсуфа Мухаммеда?

– Кто спрашивает? – отвечает Аббас совсем не так спокойно, как ему хотелось бы.

Стражник переводит дыхание.

– Типу Султан Фатх Али Хан, Тигр Майсура, Падишах Патана, Сокрушитель полковника Бейли, Богом избранный Владыка Государства... – На другой стороне переулка с визгом останавливается токарный станок. Люди поднимают головы, отрываясь от работы. – ...вызывает Аббаса, сына Юсуфа Мухаммеда, в Летний дворец.

– Который за пределами городских стен? – уточняет Аббас. Он никогда в жизни не был за пределами городских стен.

– Существует какой-то другой Летний дворец? – пере-

спрашивает стражник. – Вставай!

Аббас поднимается, ноги будто колются булавками и иголками. Интересно, упадет ли он сейчас в обморок?

– Подождите, – говорит Юсуф Мухаммед, следуя за Аббасом и стражником в переулок. – Ему всего семнадцать. Позвольте мне ответить за его преступления.

– Какие преступления? – спрашивает Джунаид. – Что происходит?

– Я сказал «преступления»? Я имел в виду «проступки», – Юсуф Мухаммед понижает голос. – Это из-за евнуха?

– Евнуха? – повторяет стражник с негодованием.

– Я сам за себя отвечаю, – быстро произносит Аббас. Он подчиняется приказу стражника и идет на три шага впереди, не позволяя себе ни единого взгляда назад, на семью, понимая, что уже слишком поздно объясняться и просить прощения.

Говорят, что в Шрирангапаттане шпионов больше, чем людей. Здесь есть разведчики и спецкурьеры Типу Султана, передающие сообщения в столицу и обратно; и есть шпионы врагов Типу – Низама Хайдарабада, наиров Малабара, маратхов, англичан, мангалурских католиков. (Про этих католиков даже не вздумайте начинать: упомяните католиков в присутствии Типу, и у него случится припадок.) У Типу при дворах друзей и врагов тоже есть шпионы, которые постоянно передают ему секретные сведения, что, как ни странно, только порождает жажду новых сведений.

Но времена сейчас сложные.

Королевство Типу едва сумело пережить последнюю войну с англичанами, и на горизонте постоянно возникают разговоры о новой войне. Люди никогда не знают, кто нападет и откуда, и что отнимет, и у кого. Все, что люди могут, – это подчиняться власти каждый раз, когда она переходит из рук в руки, каждый раз, когда власть имущие решают что-нибудь изменить. Один хочет ввести новый календарь. Другой – чтобы его лицо было отчеканено на монете. С каждым изменением, большим и малым, земля все быстрее уходит из-под ног, и у тебя все меньше возможностей оставить после себя неизгладимый след.

В данный момент Аббас даже не думает о том, чтобы оставить после себя след. Все, чего он хочет, – это не попасть в беду, хотя, возможно, для этого уже поздно.

* * *

Аббас никогда раньше не был в Летнем дворце, но он сделал восемь игрушек для Зубайды Бегум¹, одной из высокопоставленных жен зенаны² Типу. Это были резные звери, приводящиеся в движение рукояткой: слоны, тигры и лошади.

¹ *Бегум* – титул, используемый в некоторых мусульманских культурах для обозначения женщины высокого ранга, подобно титулу «королева» или «принцесса». – Здесь и далее приводятся примечания российского издателя.

² *Зенана* – эквивалент гарема на индийском субконтиненте.

Аббас сделал одну, и Зубайда Бегум сразу же заказала еще семь, одну за другой.

Чтобы забрать игрушки, она посылала человека по имени Хваджа Ирфан. Аббас любил смотреть, как Хваджа Ирфан спускается по переулку: его легко было заметить издали – в броском плаще зеленого или рыжего цвета, в шелках, которые выдавали принадлежность к королевскому двору. У него был острый подбородок и пронизательный взгляд, а на лице не росло ни единого волоска, ничто не скрывало утонченность его черт.

– В чем дело? – спросил он Аббаса при первой встрече. – Никогда не встречал евнуха?

Аббас покачал головой.

– Значит, я у тебя первый. Какая честь, – Хваджа Ирфан закрыл зонтик, которым прикрывался от солнца.

Аббаса заинтересовала ручка зонтика и то, как она изгибалась, превращаясь в гравированную голову тигра.

Хваджа Ирфан заметил его пристальный взгляд:

– Красиво, да? Чистейшая слоновая кость.

Аббас присмотрелся к резьбе:

– Нет.

– Что значит – нет?

– Может быть, дерево слоновой пальмы. Тот, кто сказал тебе обратное, солгал.

Хваджа Ирфан окинул его оценивающим взглядом и лукаво улыбнулся:

– Хорошо, Всезнайка.

С тех пор Хваджа Ирфан умудрялся вставлять эту фразу в каждый свой визит, подразнивая Аббаса, как будто они были семьей. Такой семьей, которую Аббас попросил бы, если бы у него был выбор в этом вопросе.

Его братья были вытесаны из того же камня, что и мать, – резкие, нетерпимые, подозрительные к улыбчивым людям. Про евнухов же мать говорила, что они сплетники и им никогда нельзя верить.

К игрушкам Аббаса семья относилась с похожей смесью презрения и скептицизма. Только отец иногда робко проявлял интерес и просил что-нибудь продемонстрировать, а потом частенько приговаривал: «И как ты только такое придумываешь?» Для Аббаса это было высшей похвалой.

Он вдвойне гордился тем, что отдавал отцу деньги, которые платила ему бегум. Рупия всегда приходила в шелковом мешочке, расшитом золотом, с эмблемой тигра Типу. Прежде чем передать мешочек отцу, Аббас уединялся, подносил его к носу и вдыхал.

Розовая вода. Бетель. Таинственные женские запахи.

– Настоящая пахнет лучше, – заметил Фарук и разразился смехом.

* * *

Аббас плетется впереди стражника вдоль ремесленных

рядов, расположенных по степени знатности промысла: гончары, ткачи и вышивальщицы; ювелиры и кузнецы; художники-монументалисты и художники-миниатюристы. («По крайней мере, мы не рядом с кожевниками, – говорил отец про свою лавку в дальнем конце переулка. – От них мы довольно далеко»). Устад Махфуз и глухой Билал, Мадхава Младший и Мадхава Подмастерье, Тарик, и Кхандан, и старый Устад Саадат со своим странным стеклянным глазом, бросающий кусочек хлеба жилистой собаке.

Некоторые глазают. Другие умнее.

Хотя кузницы уже позади, Аббасу все еще слышится стук молота о железо, все еще видится бело-оранжевый прут, который, словно по волшебству, размягчается, а воздух над ним начинает мерцать. Аббасу всегда нравилось наблюдать за кузнецами. Вдруг он понимает, что может больше никогда их не увидеть.

Священные фикусы³ машут ему вслед, листья шепотом сплетничают за его спиной.

Вот он уже у Водяных ворот, туннеля, по которому простолюдины могут входить и выходить из города. Это те самые ворота, через которые двенадцать лет назад Юсуф Мухаммед привел из Шимоги их семью и других плотников, нанятых отцом Типу Султана для постройки стен и колонн Летнего дворца. Юсуф Мухаммед посмотрел на столицу – при-

³ *Священный фикус* – дерево бодхи, сидя под которым, принц Сиддхартха Гаутама достиг просветления и стал Буддой.

чудливые пешеходные мостики и фонтаны с золотыми листьями, могучие гопуры храмов и парящие минареты, ни одного бедняка, даже бродячие собаки разгуливают с довольным видом – и подумал: «Зачем уезжать? Какая причина может заставить человека покинуть защитные стены Шрирангапаттаны?»

Сейчас Аббас смотрит на свисающие с потолка туннеля тела летучих мышей, и ему кажется, что Шрирангапаттана покидает его.

– Как зовется всезнайка, который ничего не знает? – спросил Хваджа Ирфан у Аббаса, когда они встретились в последний раз.

Аббас задумался:

– Европейец.

Хваджа Ирфан рассмеялся:

– Неплохо, малыш.

– Я не малыш, – Аббас поставил свое последнее творение на стол. – Разве ребенок смог бы сделать это?

Это была раскрашенная деревянная лошадь, на спине которой сидел деревянный Типу Султан. Аббас осторожно повернул рукоятку, пустив лошадь в галоп: голова покачивается вперед и назад, ноги сдвигаются и раздвигаются, хвост развеивается как вымпел на ветру.

– *Шабаш*⁴, – тихо произнес Хваджа Ирфан, неожиданно посерьезнев.

⁴ *Shabash* (урду, персидский) – молодец.

Аббас предложил ему попробовать. Хваджа Ирфан начал крутить рукоятку, сначала робко, потом заворожено.

– Может, ты и вправду все знаешь, – сказал он, останавливая лошадь.

Упаковывая игрушку в ящик с соломой, Аббас как можно небрежнее спросил, не говорила ли Зубайда Бегум что-нибудь о последней игрушке.

– Ей понравилось, – ответил Хваджа Ирфан.

Аббас сделал паузу, зная, что не должен задавать следующий вопрос:

– Как она выглядит?

Хваджа Ирфан поднял бровь:

– Осторожно.

– Я просто спрашиваю.

– Если задавать слишком много вопросов, мой друг, то очень скоро допрашивать начнут тебя.

Аббас молча закончил упаковывать игрушку и забил ящик гвоздями.

– Держи, – подвинул он его Хвадже Ирфану, который озабоченно смотрел на улицу.

Потом он заговорил, очень тихо, почти шепотом:

*Выбери художник меня моделью —
Как бы он рисовал форму вдоха?*

– Что это? – спросил Аббас.

– Это стихотворение, которое она написала, – Хваджа Ирфан сделал задумчивую паузу. – Она поэт, художник. Как и ты.

Аббасу хотелось большего, его грудь трепетала от сладостного волнения.

Но тут Хваджа Ирфан отвернулся и вышел на улицу, держа сверток в руках.

– *Худа хафиз*⁵, Всезнайка, – бросил он через плечо.

Аббас бормотал стихотворение, запечатлевая его в памяти.

Только позже (слишком поздно) он заметил зонтик с тигриной головой, беззвучно рычащей в стену.

* * *

Следуя указаниям стражника, Аббас поднимается по ступенькам и проходит через арку из песчаника, которая ведет их в Дария Даулат Багх. Это океан садов, населенных цветущими и плодоносящими растениями со всего мира. Из куполообразной голубятни, воркуя, вылетают и влетают голуби с посланиями, привязанными к лодыжкам.

Он идет по гладкой каменной дорожке, мимо кустарников, укрощенных до формы шара, деревьев, обрезанных до узких пик, травы, плотной, как ковер. За садом лежит Лет-

⁵ *Khuda hafiz* (урду, хинди и др.) – храни тебя Бог.

ний дворец, темный зев прорезан колоннами. Он никогда не видел его раньше, только слышал рассказы отца. Но отец забыл упомянуть об огромных клетках по бокам от входа, в каждой из которых сидит копия тигра. Как реалистично, – думает Аббас, приближаясь и рассматривая идеальный штрих каждой полоски, золотистый цитрин⁶ каждого глаза.

Один из тигров щелкает хвостом, заставляя Аббаса отпрыгнуть назад.

– Это Бахадур Хан, – говорит стражник. – Он становится нервным, когда приближается время кормления.

Когда они проходят мимо, тигр угрожающе поднимает голову, взглядом раздевая Аббаса до костей.

* * *

Внутри Летнего дворца стены покрыты картинами сражений, от которых кружится голова: кавалерия Типу нанизывает на пики солдат в красных мундирах. Стены напротив расписаны нежными вьющимися лианами, карминовыми и голубыми цветами.

Глазеть некогда. Стражник ведет его сквозь леса ароматов – сандаловое дерево, тик – и за угол, где обнаруживается скрытая лестница.

– Вверх, – говорит стражник.

⁶ *Цитрин* – разновидность кварца.

Аббас удивлен; он думал, единственное направление, в котором он теперь будет двигаться, – это вниз. Дойдя до верхней площадки, он оказывается в величественном павильоне с колоннами, карнизы пенятся резьбой и завитками. А в дальнем конце сидит Типу Султан, непринужденно опираясь на подушку-валик. Под ним – бескрайний ковер. Над ним – изысканно одетый слуга, покачивающий опахалом из белых павлиньих перьев. Слуга обут в тапочки.

Аббас сжимает свои костлявые ноги, жалея, что не может их помыть.

– Ты, в желтом дхоти⁷, – говорит Типу, сбивая Аббаса с толку, так как тот полагал, что его дхоти белое. – Подойди.

Приблизившись, Аббас замечает европейца, одетого в шаровары и тюрбан; он сидит справа от Типу Султана. У европейца длинное розовое лицо, напоминающее мандрила. Его прищуренные золотисто-карие глаза настолько ясны, что, кажется, способны видеть мысли Аббаса – в частности ту, о мандриле. Аббас опускает взгляд на ковер, где цветет кайма из красных тюльпанов, их стебли тянутся к кругу, в котором сидит Типу.

– Салам, – говорит Типу Султан.

Аббас кланяется, не отрывая взгляда от шпор на кожаных ботинках Типу.

Лицо Типу Султана круглое и мягкое. У него взгляд яст-

⁷ *Дхоти* – традиционный вид мужской одежды, распространенный в Юго-Восточной Азии и напоминающий штаны, шаровары и юбку с запахом.

реба и подбородок мышцы. Он сохраняет продолжительное молчание.

– Ты мастеришь игрушки, – произносит наконец Типу.

– Да, Падишах, – Аббас сжимает руки. – Я Аббас, сын Юсуфа Мухаммеда.

– Я знал одного Аббаса, сына Юсуфа Мухаммеда.

Все знают о том Аббасе, сыне Юсуфа Мухаммеда, генерала и предателя, недавно казненного через удушение.

– Никакой связи, – говорит Аббас.

– Но, полагаю, ты знаком с другим предателем. Твои игрушки были очень популярны у бегум, на которую он работал. И теперь мы знаем почему. Она и евнух были в кармане у этого термита, Наны Пхаднависа. Я никогда не пойму, как кто-то может доверять маратхам. Не так ли, Муса?

– Действительно, такова их природа, – говорит Европейец (с арабским именем?) на удивительно безукоризненном каннада⁸. – Даже маратх не будет доверять маратху.

Типу поднимает палец. Появляется еще один слуга, который несет деревянную лошадку с раскрашенным Типу Султаном на спине.

Аббасу становится плохо.

– Это ты сделал? – спрашивает Типу Султан.

– Да, Падишах.

Типу вращает рукоятку, изучая галоп. Аббас ловит взгляд

⁸ *Каннада* – язык представителей народа каннара индийского штата Карнатака (он же «Страна каннада», бывший Майсур).

Европейца Мусы, который смотрит не на скачущую лошадь, а на Аббаса.

– Лошадь бежит не так, – категорично заявляет Типу. – У тебя задние и передние ноги двигаются в тандеме, как у собаки. А когда лошадь скачет галопом, ее копыта касаются земли в разные моменты. Я эксперт по лошадям благодаря отцу, хвала его памяти. Он мог бы написать трактат о лошадях, превосходящий сочинение Ксенофонта.

– Прости меня, Падишах.

– Второе твое преступление состоит в том, что ты сделал из меня чучело, – Типу указывает на деревянную фигурку себя. – Ты изобразил мои ноги до смешного короткими. Это преступление карается смертью. Вообще, что угодно карается смертью, если я так скажу.

Аббас пробует молить о пощаде, но слова застревают у него в горле. Колонны начинают раскачиваться.

– Несмотря на твои проступки, – продолжает Типу, – я заметил твой потенциал. Как и мой французский друг. Это Муса Дю Лез, величайший изобретатель Франции. Он согласился работать с тобой над созданием первого в Майсуре *механизма*, – Типу делает паузу. – Ты киваешь, но не понимаешь. Муса?

– Представь большую подвижную игрушку, – говорит Муса Дю Лез на каннада. Аббас хлопает глазами, изо всех сил стараясь не кивать.

– Так мы никогда не закончим, – говорит Типу. – Принеси

мушкет.

Дю Лез распрямляет свои длинные ноги. Слуга подает ему винтовку, и на мгновение Аббас чувствует, как призрак пули пронзает ему грудь.

– Подождите... – говорит он, поднимая руки.

Но Дю Лез разворачивает винтовку, приглашая Аббаса внимательно рассмотреть орнамент на прикладе.

– *Et voilà*, – возвышаясь над ним, Дю Лез указывает на крошечного бронзового человечка, придавленного крошечным бронзовым тигром.

Детали фигурок выполнены настолько великолепно, что Аббас может различить сапоги и шляпу, эти характерные признаки европейца.

– Мы с тобой создадим вот это, – говорит Дю Лез. У него баритон и исключительно несвежее дыхание. – Из дерева и в натуральную величину.

– Я хочу, чтобы он был таким же высоким, как Муса Дю Лез, – продолжает Типу. – И хочу, чтобы зубы *впивались* в шею неверного, – Типу указывает на точные координаты на собственном горле, добавляя, что механизм должен также издавать рычащий звук. – А еще музыка. Будет очень забавно, если игрушка сможет играть музыку.

Типу и Дю Лез обсуждают, что это должна быть за музыка. Аббас изучает орнамент, пытаясь представить музыканта, сидящего внутри тигра и, возможно, играющего на флейте...

– Через шесть недель будет празднество с презентацией тигра публике, – завершает Типу. – Я жду от вас совершенства.

– *Évidemment*⁹, Падишах. Меньшего я бы и не предложил.

– Что дальше, Раджа-хан?

Слуга в тапочках наклоняется, чтобы заговорить:

– У вас встреча с уполномоченными совета по торговле...

– Со всеми девятью? – спрашивает Типу.

– Со всеми девятью, Падишах. Потом встреча с ракетным мастером.

– Аллах милосердный. У меня сны были поинтереснее, – облокотившись на колено, Типу поднимается. – Ты еще тут? – обращается он к Аббасу, который завис на краю ковра, ожидая, пока его отпустят. – Ах, да, – Типу кивает Раджа-хану, и тот достает из кармана маленький шелковый кошелек. Другой слуга передает кошелек от Раджа-хана Аббасу.

– Отнеси это своему отцу, – говорит Типу, – в знак признания его верности.

Аббас принимает кошелек обеими руками и благодарит Падишаха за его безграничную щедрость. Кошелек, расшитый золотом, с эмблемой тигра, тяжестью лежит на его ладони.

– Я кое-что заметил, – говорит Типу. – Ты не спросил меня о Хвадже Ирфане. Разве тебе не любопытно?

Вопрос звучит невинно, он предлагается как открытая ру-

⁹ Разумеется (*фр.*).

ка, готовая сокрушить.

– Я думал, он был наказан, Падишах.

– Наказан, – сухо повторяет Типу. – И какого наказания, по твоему мнению, заслуживает тот, кто ел мою соль и носил мои шелка и поступил так вероломно?

– Мне не дано этого знать, Падишах.

– Умный мальчик. Однако большинство людей не так умны, как ты. Так что если кто-то будет настолько глуп и спросит тебя, что я сделал с Хваджа Ирфаном, ты ответишь, что я сказал: *кто такой Хваджа Ирфан?*

Наконец Типу кивком головы освобождает Аббаса. Аббас склоняется в поклоне и, шаркая ногами, пятится через весь павильон, как будто идет по такой узкой доске, что не может развернуться, а только ступать шаг за шагом задом наперед.

* * *

Когда Аббас нашел зонтик с головой тигра, он не мог не взять его в руки, чтобы изучить мастерство изготовления ручки. Особенно ему понравилась впадина тигриной пасти, клыки, похожие на шипы. Он погрузил кончик пальца в пасть и что-то нащупал. Не задумываясь, вытащил плотно свернутый лист бумаги, а затем тут же засунул его обратно. Живот скрутило.

– Что это? – спросил отец.

Аббас обернулся, прижимая зонт к груди.

– Ты о чем?

Отец вырвал зонтик у него из рук и вытащил из углубления свернутую бумагу. Пальмовый лист. Развернул, пробежал глазами, лицо потемнело. Бумага была плотно набита текстом, размашистые буквы свисали со строчек.

– Маратхи, – произнес отец мертвым шепотом.

– Мы не знаем, что там написано.

Отец свернул записку и затолкал обратно в пасть тигра. Взял с полки шаль и намотал ее на зонтик.

Аббас рысью бежал за ним по улице:

– Позволь мне его оставить, он вернется в любой момент.

Отец ускорил шаг:

– Кто он тебе? Никто.

– Он мой друг! – кричал Аббас вслед отцу, не уверенный, что это правда, что Хваджа Ирфан назвал бы его так же.

Отец сошел с дороги и, не глядя сыну в глаза, обхватил его за шею и притянул к себе, словно собираясь обнять.

– Ты хочешь жить, – спросил он тихо, – или ты хочешь друзей?

Вопрос, прикосновение – они ошеломили Аббаса. Он закрыл глаза, чтобы не видеть этот мир, который ставит его перед таким выбором.

Не сказав больше ни слова, отец ушел, сжимая зонт, как оружие, готовое выстрелить в его руках.

Дю Лез уверенными шагами выходит из дворца, Аббас отстает на почтительное расстояние. Небо затянуто тучами. Небо, которое он едва не потерял.

На полпути француз останавливается, чтобы понюхать ярко-красную розу.

– Мне жаль, что ты потерял друга, – шепчет он в цветок.

Аббас ничего не отвечает, не желая подтверждать, что такая дружба когда-либо существовала.

– Но, – говорит Дю Лез, окуная нос в очередной цветок, – теперь тебе лучше его забыть.

– Да, Муса Сахаб.

– Меня зовут не Муса¹⁰, – улыбка играет в уголках рта француза. – Мне не доводилось разводить воды Красного моря.

– Но Падишах назвал тебя Мусой.

– Он имеет в виду «месье». Это французское вежливое обращение. Меня зовут Люсьен Дю Лез.

Аббас кивает:

– Муса Лусен Ду Лиз Сахаб.

– Неважно. Сахаб пусть будет. Пойдем.

Когда они достигают арки из песчаника, Дю Лез остано-

¹⁰ Исламский пророк Муса отождествляется с библейским Моисеем, который развел воды Красного моря, чтобы вывести израильтян из Египта

ливается и выдыхает, как будто испытывая облегчение от того, что теперь между ним и Типу Султаном есть дистанция. Он поворачивается к Аббасу:

– Этот проект потребует долгих часов работы, поэтому я предлагаю тебе ночевать здесь.

– Во дворце, Сахаб? С Падишахом?

– Ах, да он редко здесь появляется. Только чтобы развлечь иностранцев. Но презентация будет тут, поэтому нам придется остаться до конца. Теперь я хочу, чтобы ты пошел домой, сообщил семье новости и вернулся до закрытия ворот.

Аббас соглашается, сопровождая кивок головы небольшим поклоном, и поворачивается, чтобы уйти.

– И еще кое-что, – добавляет Дю Лез. – Вращающееся устройство под платформой – кто тебя научил его делать?

– Научил, Сахаб? Никто меня не учил.

– Не твой отец?

Аббас качает головой.

– Я что-то сделал не так?

– Вовсе нет, – француз с интересом рассматривает Аббаса. – Ну, беги домой.

Аббас опускает голову, удаляется.

Дю Лез смотрит, как мальчик бежит сквозь арку, как мелькают бледные подошвы. Он ощупывает патку, за поясом в ожидании подходящего момента лежит тонкая серебряная фляжка. Только дурак рискнет сделать глоток в саду Падишаха, везде глаза и уши, да и облегчение будет лишь времен-

НЫМ.

Он принял много глупых решений в жизни. Остается надеяться, что Аббас не из их числа.

Две недели назад Типу Султан пригласил Дю Леза взглянуть на механические игрушки Зубайды Бегум, которые были конфискованы в зенане. Маловероятно, сказал Типу, что сын столяра был замешан в заговоре; маловероятно, но вполне достаточно, чтобы оправдать его убийство. Обрубить концы.

– Если только ты не думаешь, что его стоит взять сюда, чтобы он помог тебе с механизмом, – Типу протянул Дю Лезу бегущего тигра. – Хорош, правда?

Дю Лез перевернул игрушку, прищурился, разглядывая винты и диски, и задумался, почему он вообще согласился делать механизм. (Не то чтобы Типу оставил ему выбор, он же был единственным часовщиком при дворе.) В Париже он уже создавал такие, но вместе с партнером, с которым работал десятилетиями и имел такую долгую и глубокую историю отношений, что они могли читать мысли друг друга. Теперь Дю Лезу предстояло найти себе нового партнера, чужака, свободно владеющего местным образным стилем. Он планировал поспрашивать, изучить работы разных мастеров и выбрать лучшего, но это было до того, как Типу отдал в его руки жизнь мальчика. Многообещающего мальчика. Семнадцатилетнего мальчика. В том же возрасте, когда сам Дю Лез начал расправлять крылья и смог наконец сделать часы без

помощи наставника.

Он почти жалел, что мальчик не участвовал в заговоре евнуха. Тогда, по крайней мере, его совесть была бы чиста.

– Ну? – спросил Типу. – Хорош тигр или нет?

Дю Лез отложил игрушку и, уповая на то, что надежды, которые она подает, оправдаются, назвал ее работой прирожденного мастера.

* * *

Большую часть пути домой Аббас не поднимает взгляда от земли, изредка уступая дорогу двухколесным телегам. Шелковый мешочек, спрятанный под тюрбаном, подпрыгивает у него на голове. Кровавые деньги, почти невыносимая тяжесть.

Как он объяснит семье значение слова «механизм»? Он знает, что должен подобрать нужные слова.

Как бы он рисовал... форму... вздоха?

Единственные слова, которые приходят ему на ум.

Он продолжал читать про себя это стихотворение с последнего визита Хваджи Ирфана. Эти строки написала женщина. Женщина, которая, возможно, мертва. Ему не нужно было спрашивать о ней у Типу Султана: все знали, как Зубайду Бегум увезли и бросили в темницу одной из новых крепостей Типу. И все же Аббас продолжает время от времени шептать ее стихотворение, как будто оно поселилось в

его груди и продолжает там трепетать, иногда ненадолго за-
тихая, но потом принимаясь снова.

Он останавливается на том самом месте, где отец крепко
обнял его. Он все еще чувствует его руку на своей шее.

– *Кто он тебе?* – спросил отец.

Для отца Хваджа Ирфан был двуличным евнухом, из-за
которого его мальчика чуть не бросили в темницу.

Для Аббаса Хваджа Ирфан был тем, кто сказал *«она поэт,
художник. Как и ты»*, и в Аббасе пробудилось нечто доселе
невиданное, тайное желание, ставшее явью.

Его мозг кипит, он натывается на кого-то, тот говорит:
«Осторожно!» Это голос Хваджи Ирфана – или на одно чу-
десное мгновение Аббасу так кажется.

Но нет, он понимает, что это всего лишь Душа, местный
наркоман, который бродит туда-сюда, что-то бормоча себе
под нос. Люди зовут его Душа, потому что тело его настолько
призрачное и обветшалое, что с таким же успехом он мог
бы уже вознестись на небо. Обычно Аббас зажимает нос и
проходит мимо, но в этот раз Душа пригвождает его к земле
своим заявлением:

– Они связывают руки цепями и опускают в воду по самый
подбородок.

– Кого? – спрашивает Аббас, уже зная ответ. Хваджа Ир-
фан, судорожно пытающийся ухватить ртом воздух, вода за-
текает за нижнюю губу. Аббас встряхивает головой, но образ
остается, он останется навсегда.

Душа говорит: «Смотри под ноги», и удаляется.

С каждым его шагом белеет небо, и воздух над дорогой дрожит от жара, как над кузнечным горном, в котором творения из металла начинают и заканчивают свою жизнь.

А что будет со мной, размышляет Аббас, и страх окатывает его волной. Начнется ли сейчас моя новая жизнь, или я исчезну навсегда?

2

Известно, что из всех своих многочисленных детей Типу Султан больше всего любит Муиз-уд-дина.

Муизу пять лет. Кожа у него светлая, как у отца, глаза такие же широкие и ясные, во взгляде – дух и воля прирожденного монарха.

Его старший брат Абдул Халик чуть менее представительен. Не только из-за темной кожи или полных губ, и даже не из-за плоского носа; нет, проблема в его вечно скорбном выражении лица, как будто он вот-вот начнет просить прощения.

Принц не должен приносить извинений, считает Типу. Не должен извиняться и король. Поэтому Типу не извинился перед своими мальчиками, когда отдал их в плен лорду Корнуоллису два года назад, после унижительного поражения при Бангалоре. Корнуоллис потребовал мальчиков в качестве залога на случай, если Типу не выполнит условия мирного договора.

Ни один западный художник не присутствовал в момент прощания Типу со своими сыновьями, однако эта сцена была десятки раз западными художниками воспроизведена на многочисленных гравюрах и литографиях, причем детально и с огромными неточностями. Вот прекрасный Муиз отделается от толпы растерянных смуглых мужчин и присоеди-

няется к рядам стройных белых людей, его рука белеет в ладони Корнуоллиса. А вот Абдул – если его все-таки включили в композицию – тоже побелевший; представитель нации, покидающей варварство, по крайней мере временно.

На дворе 1794 год, мальчики возвращены в Майсур за хорошее поведение Типу и своевременную выплату одного крора и шестидесяти лакхов – суммы, взимаемой в качестве дани с жителей Майсура, многие из которых, не в силах потянуть этот «принудительный дар», бежали в соседние земли.

Что мальчики видели и делали в Мадрасе под присмотром Корнуоллиса, они не сказали. Типу и не спрашивает. О проявлении любопытства не может быть и речи, как и о выражении благодарности. Поблагодарил ли Типу его собственный отец после того, как шестнадцатилетний наследник привел войска Хайдара Али в Карнатику и осадил Амбур? Нет, не поблагодарил. Не отец должен благодарить сына, а сын должен спрашивать: *что еще могу я сделать, отец?*

И все же Типу не такой, как его отец. Он хотел бы выразить признательность своим сыновьям – подарком, подобного которому они никогда не видели. (Что-то непохожее на тот невообразимый паланкин, который прислал Корнуоллис вместе с мальчиками и который Типу хранит, не разворачивая, в глубине кладовой.) Механический тигр станет подарком столь величественным и свирепым, что заглушит все воспоминания об изгнании.

* * *

Что Аббас знает обо всем этом и о том, что поставлено на карту? Очень мало – но так, наверное, и должно быть. Пусть он пока спит в мягком великолепии дворца, пусть ему снятся флейтисты, вылезавшие из пасти живых тигров. Ему еще многому предстоит научиться. А пока оставим его в покое.

3

Аббас просыпается в панике: он понятия не имеет, где находится. Потом его осеняет – в покоях француза в Летнем дворце, но тут же его накрывает новая волна паники – он не знает, где туалет.

Быстрое расследование приводит его под кровать, к горшку с крышкой. Он слышал, что богатые люди облегчаются в посуду. Прежде он в это не верил.

Он ставит горшок в центр комнаты. Он гладкий и белый, керамический. Сняв крышку, он обнаруживает внутри карикатурный портрет английского солдата: ладони подняты по обе стороны его искаженного бешенством свинообразного лица, готового к тому, что на него вот-вот будут мочиться. На внутренней стенке чаши – маленькая скульптурная лягушка, довольно непонятное украшение, но потом Аббас понимает, что именно туда он должен целиться.

Утопив поросенка-англичанина (что, по правде говоря, доставило ему удовольствие), Аббас закрывает крышку и размышляет, куда девать содержимое. У горшка есть ручка. Предположительно, кто-то другой будет хвататься за эту ручку – ужасающая мысль. Он задвигает горшок под кровать.

Одетый, он стоит посреди комнаты, не уверенный, в какой стороне находится Кибла. Он оглядывается вокруг в поисках какого-нибудь знака. Джунаид сказал бы, что направ-

ление, в котором человек молится, не имеет значения, важно только, чтобы намерение было искренним, а ум не блуждал. Но у Аббаса есть склонность к блужданию, и это одна из его проблем – так говорит Джунаид, – поэтому Аббасу не хватает истинной набожности.

Аббас расстилает коврик и становится лицом к резному окну джаали. Сквозь него льется розовый свет и самый чистый адхан, который он когда-либо слышал; должно быть, муэдзин имеет прямую связь с Аллахом. И все же Аббасу не хватает стоящих рядом братьев, хруста коленей Джунаида, постоянного покашливания отца, и его мысли снова уносятся вдаль.

Закончив молитву, он слышит за дверью шевеление. Он распахивает ее и заглядывает в гостиную.

Дверь в спальню француза закрыта. На ковре расстелена вышитая белая ткань, на ней стоит множество бронзовых чаш, одна из которых наполнена свежей водой. Аббас опускается на подушку, украшенную золотыми фигурами двух танцующих девушек. Он пьет из чаши с водой и ждет, когда появится Дю Лез, чтобы вместе поесть. Или он должен есть в своей комнате, отдельно от француза? Рис пышет жаром, утопая в топленом масле. Не в силах справиться с приступом голода, он заглатывает две горсти и расправляет оставшуюся кучку так, чтобы она казалась нетронутой. «Знай свое место, – предупредила его мать перед уходом. – Не напускай на себя излишне важный вид».

Наконец Дю Лез открывает дверь и останавливается на пороге. На нем уже другие шелковые шаровары, а джама застегнута на мусульманский манер под левой рукой. У него опрятный вид ниже шеи и крайне помятый выше: хаотично растрепанные белые волосы, темные мешки под глазами.

– Ты вчерашний мальчик, да? – спрашивает Дю Лез, прищурившись.

– Аббас.

– Аббас, – Дю Лез почесывает заросшую щетиной щеку. – Ты спал в той комнате?

– Как ты сказал мне, Сахаб.

– Я помню, – отвечает француз, защищаясь.

Он медленно опускает одно колено на простыню:

– Ты поел, да?

Дю Лез тянется вперед, чтобы ополоснуть руки в миске с водой, которая, очевидно, не предназначена для питья.

– Сахаб не завтракает?

Дю Лез достает серебряную фляжку и наливает в чашку с тепловатым кофе прозрачную жидкость. Помешивая мизинцем, он отпивает три глотка, передергивает плечами:

– Завтрак, – говорит он.

Берет миску с орехами:

– Обед.

Аббас размышляет, стоит ли ему упоминать, что Типу Султан недавно запретил употребление алкоголя, а также других интоксикантов, таких как белый мак и конопля. Ко-

нечно, такой человек, как Дю Лез, свободно говорящий на каннада, должен быть в курсе правил?

Прежде чем Аббас успевает решить, стоит ли ему открывать рот, Дю Лез поднимается на ноги:

– *Тик-так*, дел много, пошли.

* * *

Дю Лез ведет их по коридорам и потом через двор, Аббас следует за ним, отставая на нескольких шагов. Дойдя до аккуратного, покрытого известняком сарая, Дю Лез толкает раздвижную дверь и выпускает попавшую в западню птицу.

Из всех комнат, которые Аббас видел за последние два дня, эта – мастерская Люсьена Дю Леза – единственная, от которой у него перехватывает дыхание.

Стены покрыты инструментами всех видов и размеров – тесаки, пилы, клещи и топоры, а еще стамески, такие маленькие и с такими разными наконечниками, что он даже не может представить, что ими можно делать. Он также не знает, что делать с собой в их присутствии, к чему прикасаться в первую очередь или не прикасаться вообще. Из корзины торчит целый букет длинных дощечек. Токарный станок ждет своего часа. А на одном из столов лежит на подпорках огромный кусок дерева, очищенный от коры.

Аббас пробегает глазами по всем предметам и останавливает взгляд на необычном приспособлении – плоском дере-

вянном столе на маленькой железной подставке. Через центр стола под прямым углом проходит зазубренное лезвие длинной с человеческую руку и толщиной с ноготь. Аббас подходит к нему с такой осторожностью, как будто инструмент может в любой момент ожить.

– Механическая пила, – с гордостью говорит Дю Лез. – Я сделал ее сам, но давай не будем отвлекаться.

Дю Лез подзывает его к столу, на котором лежит раскрытая тетрадь, в желобке на сгибе – заточенная палочка.

– Это *стило*, – говорит Дю Лез, размахивая заточенным кончиком, остальная часть стержня скрыта под деревянной оболочкой. Аббас все еще рассматривает *стило*, когда Дю Лез кладет на стол вчерашнюю винтовку.

– *Alors*¹¹, – говорит Дю Лез, указывая на тигра и солдата, – давай посмотрим, сможешь ли ты нарисовать вид слева.

Аббас крутит *стило* в руках. Он разглядывает фигурки так долго, как только может, и только потом прикасается стержнем к бумаге. Несколько пробных штрихов превращаются в гибкие линии. Зернистая бумага шелестит в его руках, и на ней проявляется рисунок, который придумал не он, но который каким-то образом стал его собственным.

Закончив, Аббас садится, кладет *стило* обратно в тетрадь, ждет похвалы.

Дю Лез быстро чиркает поверх эскиза, объясняя, что тигр будет полым, в голове у него будет механизм, а в теле трубки

¹¹ Игак (*фр.*).

органа. В боковом срезе прямо над ушами тигра будет своего рода крышка, которая будет обнажать эти трубки. Дверца в грудной клетке будет открываться и превращаться в клавиши из слоновой кости, на которых будет играть органист, стоящий слева от тигра.

– А где будем прятаться мы? – спрашивает Аббас.

– Зачем нам прятаться?

– Чтобы издавать рычащие звуки изнутри тигра.

– Нет, я же сказал, механи... – Дю Лез машет рукой. – Долго объяснять. Ты работаешь снаружи, а внутренности представь мне.

С помощью складной линейки Дю Лез намечает мелом размеры механизма на большом куске дерева. Аббас проводит рукой по срезу. Текстура древесины плотная и равномерная, пористая, слегка подсушенная, но не настолько, чтобы треснуть при первом же ударе.

– Теперь ты, – говорит Дю Лез, передавая мел Аббасу, и тот начинает набрасывать контуры Тигра и Солдата, стараясь не выходить за рамки разметки. Вот наковальня головы, арка спины, волна живота, выпуклость морды, изгиб лапы. Поначалу его рука дрожит, но чем дольше он рисует, тем тверже она становится. Пять раз перепроверив расчеты, Дю Лез идет к своему столу.

– Теперь я начну работать над органом.

– А я, Сахаб?

Дю Лез пожимает плечами, как будто ответ очевиден:

– А ты сделаешь тигра.

Аббас старается не обращать внимания на легкий спазм в желудке и направляется к стене с инструментами. Его взгляд перескакивает с одного на другой, голова кружится от разнообразия резцов, он никак не может сделать выбор. Он стоит неподвижно, все сильнее теряясь с каждой уходящей секундой, в которую он так ничего и не сделал.

– Аббас, – говорит Дю Лез. – Подойди на минутку.

Вздыхнув, Аббас приближается к столу с пилой.

Дю Лез указывает трубкой:

– Дотронься до лезвия. Щипни, как струну.

Аббас щиплет длинное тонкое лезвие. Оно начинает визжать, вибрировать.

– Если лезвие слишком тугое, оно сломается, – говорит Дю Лез. – Если лезвие слишком мягкое, оно сломается. У него должно быть нужное напряжение. *Tu vois?*¹²

– Ты хочешь, чтобы я работал пилой?

– Нет, нет. Я имею в виду, что ты должен спешить медленно. Так говорил мой папа – и это был единственный полезный совет, который он мне дал. *Festina lente*¹³.

В этой фразе для Аббаса нет ни малейшего смысла, но страх начинает понемногу отпустить его, он возвращается к стене с инструментами и заставляет себя снять одну из больших стамесок, изогнутое долото шириной с большой палец.

¹² Понимаешь? (Фр.)

¹³ Спешит медленно. (Лат.)

Он подносит инструмент поближе, чтобы рассмотреть точечную ручку, идеально закрепленную и подогнанную под лезвие. Потом он берет молоток с круглой головкой, плотно сидящей на рукоятке. Эти инструменты превосходят все, чем он когда-либо пользовался раньше, но, как он хорошо знает, мастерство не сводится к инструментам.

Вооружившись, он подходит к куску древесины и, прежде чем его снова парализует, кидает взгляд на чертеж и начинает там, где он начинает всегда: в самой высокой точке. Бьет молотком по резцу. Удар, еще один, движения уверенные, скупые.

Дерево начинает терять анонимность. Поднимая и опуская резец, он представляет, что пробивается к тигру, рвущемуся на свободу.

Он работает над созданием нужного угла в передней части тигра, который в будущем станет плавным изгибом его опущенной шеи, и вдруг слышит чудесный звук.

Это Дю Лез, сидящий за крошечным столиком с пилой, начинает крутить педали. Лезвие длиной с человеческую руку пилит с невероятной скоростью, тонкий клинок движется вверх-вниз без остановки, пока Дю Лез скармливает ему брусочек светлого дерева. Аббас подходит ближе, забывая отложить инструменты, смотрит, как стружка летит с железных колес, а дерево режется легко, как хлеб.

Дю Лез перестает крутить педали: пила замирает. Он берет в руки тонкий прямоугольник:

– *Joli, n'est-ce pas?*¹⁴

Аббас в изумлении. Он готов отдать что угодно, лишь бы попробовать самому. Прежде чем он успевает спросить, Дю Лез возобновляет вращение.

* * *

В полдень Аббас выходит на улицу, чтобы помолиться. Он почти ожидает, что Дю Лез присоединится к нему, ведь француз полностью ассимилировался, но тот не поднимает глаз от работы и, кажется, даже не слышит муэдзина. Он прикладывает линейку к огромному листу бумаги, его перо вычерчивает прямые линии, которые складываются в загадочный ромбовидный узор.

Чуть позже им подадут обед, расстилая во дворе белое покрывало. Трава мягко пружинит под ногами. В этот раз Аббас моет руки в правильной чаше, размышляя, почему эта вода ощущается как само богатство.

Тем временем Дю Лез сидит в отдалении на низеньком стульчике. Он смотрит в небо сквозь отрез светлой кожи и хмурится.

Желудок Аббаса урчит от желания отведать говядину в кокосовой стружке, крученые гнезда идияппама¹⁵. Он смот-

¹⁴ Красиво, правда? (*Фр.*)

¹⁵ *Идияппам* – блюдо южноиндийской кухни, состоящее из тонких нитей рисового теста, образующих спиральную форму.

рит на Дю Леза, который, кажется, даже не подозревает, что обед подан и что Аббас ждет его.

– *Dommage*¹⁶, – бормочет Дю Лез. – Слишком тонкая. Тонкая кожа пропускает воздух и легко рвется...

Он поднимает взгляд на Аббаса:

– Ты меня ждешь?

Аббас серьезно кивает.

Вздохнув, Дю Лез вешает кожу на табурет и садится рядом на покрывало. Аббас накладывает им обоим, но Дю Лез опять начинает трапезу со своей фляжки, опрокидывая ее в стакан с соком гуавы. Залпом он выпивает жидкость до дна и закрывает глаза, по лицу разливается облегчение.

– Я заплатил хорошие деньги за эти овчины.

Аббас спрашивает с набитым ртом:

– Для чего они, Сахаб?

– Для рычащей трубы, – объясняет Дю Лез, – они будут работать как мехи, издавая тигриное рычание изнутри головы. Из кожи будут сделаны боковые части, но, понимаешь – тонкие места пропускают воздух, а это ухудшает звук. Французское слово «животное» происходит от латинского *animus*, что означает «дыхание». Конечно, внешний вид тигра должен поражать, но именно звук вдохнет в него жизнь. О! Это питахайя? Обожаю питахайю.

– Сахаб... – Аббас колеблется, Дю Лез откусывает сверкающий белый ломтик. – Это правда, что вы величайший

¹⁶ Увы. (Фр.).

изобретатель Франции?

Дю Лез усмехается:

– Конечно нет.

Оба замолкают, внезапно осознав, что этот ответ подразумевает нечестность Типу Султана.

– Я был послан Его Величеством Людовиком XVI, – поясняет Дю Лез. – И прибыл сюда в сопровождении трех посланников Майсура. Слышал о них?

Аббас кивает. Еще одна тема, с которой нужно быть осторожным в сложившихся обстоятельствах.

(Коротко о королевских посланниках: Типу Султан отправил в Париж трех визирей с наказом, чтобы они привезли ему разнообразных французских ремесленников и инженеров, садовников и врачей, знатоков фарфора, стекла, часов, оружия, шерсти и – что самое важное – обещание политического союза. Вместо этого посланники вернулись из Франции с фарфоровым кальяном и Дю Лезом. Говорят, Типу пришел в ярость, ведь кальянов у него было несметное количество; ему нужен был союз и ремесленники, которые помогли бы ему открыть фарфоровую мануфактуру. Один из посланников благоразумно бежал из Майсура. Двое других, Акбар Али Хан и Мухаммед Усман Хан, приняли приглашение Типу прогуляться в саду, где он их и убил, а по Майсуру разнесся слух, что все трое предали своего властелина.)

– Они предали своего властелина, – говорит Аббас.

– Я слышал. Я считал их весьма достойными людьми.

Аббас наблюдает, как Дю Лез поглаживает подбородок тыльной стороной ладони, примирительный жест.

– Я планировал пробыть в Майсуре один месяц. Но потом... ситуация в моей стране усложнилась.

– Усложнилась?

– Война.

Аббас поглаживает свой гладкий подбородок, подражая Дю Лезу:

– Мы здесь всегда в состоянии войны.

– У вас Майсур воюет с другими. У нас Франция воюет с Францией. Король и королева брошены в тюрьму, дворец захвачен...

– Кем?

– Народом Парижа.

– Простыми людьми?

– *Insurgés*¹⁷. Но мои друзья в Париже говорят, что рождается новый порядок. Тот, в котором власть будет принадлежать промежуточному классу.

– Промежуточному классу?

Дю Лез думает, соединяя и разъединяя ладони, потом разочарованно сдается:

– Ох, неважно. Блак говорит, что скоро будет мир.

– Блак – это новый король?

– Ха! – Дю Лез улыбается. – Он и правда довольно высокого мнения о себе. Но нет. Когда-то он был моим учеником.

¹⁷ Повстанцами (*фр.*).

Теперь он мой деловой партнер, очень талантливый часовщик.

Дю Лез сдерживает себя, чтобы не сказать больше. Аббасу не стоит знать слишком многое. Например, ему не нужно знать, что Блак на десять лет моложе и на десять сантиметров ниже Дю Леза. Или что Блак каждое утро ест чеснок и утверждает, что именно поэтому он редко болеет. Что у него есть родимое пятно на внутренней стороне бедра. Что он чихает по три раза подряд. Что он не смотрит в глаза, когда злится, и что Дю Лез находит это очень обидным. Все это Аббаса не касается. Дю Лез подцепляет сушеный абрикос из миски.

– Пробовал? Они от Румского султана.

Аббас кусает абрикос, Дю Лез следит за его реакцией.

– Вкусно?

Аббас кивает. Так же вкусно, как грызть подслащенный кусочек ботинка.

Дю Лез тянется к своей патке – удивительному одеянию с множеством потайных кармашков – и извлекает оттуда массивный серебряный диск. Он нажимает на кнопку на боковой стороне диска, открывается дверца. Стараясь не нарушить личное пространство француза, Аббас напрягает зрение, чтобы разглядеть, что внутри.

– *L'horloge*¹⁸, – говорит Дю Лез, вытягивая ладонь, в которой плотно лежит предмет. – Он показывает время, как солнечные часы на вершине мечети, но с гораздо большей точ-

¹⁸ Часы (фр.).

НОСТЬЮ.

Аббас изучает круговое расположение черных меток на белом циферблате. От центра часов отходят две линии, одна длиннее другой, а третья, тонкая, как ресничка, медленно движется по кругу.

«Но как она двигается без того, кто ее двигает?» – задумывается Аббас.

Как будто предвидя вопрос, Дю Лез разворачивает часы и открывает еще одну дверцу, обнажая тонкие золотые шестеренки, которые вращаются навстречу друг другу. Они двигаются сами по себе, зубья идеально входят в зазоры. Странно, что от взгляда скрыта именно эта сторона, ведь она гораздо чудеснее, чем лицевая.

– Я сделал такие же часы для Типу, – говорит Дю Лез. – Между нами: эти лучше.

– Почему, Сахаб?

– Эти часы более точные, более элегантные. Их сделал Блак. Он хорошее меня, – Дю Лез недоуменно наклоняет голову. – Хорошее меня?

– Лучше меня.

– Лучше меня, *oui*.

Дю Лез вглядывается в циферблат часов, словно пытаясь прочитать историю, написанную тикающими стрелками:

– В январе я приехал в Майсур. В июле Париж пал.

– Не вовремя, – говорит Аббас.

Дю Лез поднимает голову и удивленно смеется. Аббас

улыбается, гордясь тем, что нашел подходящее слово.

4

Следующие три дня прошли без происшествий.

За это время Аббас узнал, что существует две версии Дю Леза. Одна версия, которая ему нравится больше, является после полудня, после второй порции «завтрака», когда щеки француза становятся румяными, а глаза – прозрачными, как стекло. Менее приятная версия Дю Леза, бледная и пучеглазая, ворчит в знак приветствия.

Он всегда начинает свой день с набросков в маленькой книжке, зажав трубку в углу рта. Трубка, которая никогда не горит в рабочее время, кажется, имеет решающее значение в его процессе, как и стило. Больше ничего со своего стола Аббас разглядеть не может. Ему хочется подойти поближе, посмотреть, что же Дю Лез с такой яростной сосредоточенностью набрасывает в блокноте. Зачем он нарезает кожу на такие широкие полосы? Зачем он складывает их туда-сюда в узкие веера? А теперь он зажимает веера маленькими тисками – может быть, чтобы приучить их держать складки? Но для чего нужны веера?

– *Pas de temps à perdre!*¹⁹ – говорит Дю Лез, поймав взгляд Аббаса. – Продолжай работу.

Аббас возвращает свое внимание к куску дерева. Он все еще чужой ему, этот кусок, они узнают друг друга толь-

¹⁹ Не теряй времени (*фр.*).

ко в ходе дальнейшей беседы. И как любой разговор между незнакомыми людьми, их беседа начинается осторожно. Стук молоточка о дерево, расслабленные указательный и большой пальцы, скорость постепенно нарастает, щепки летят то в одну, то в другую сторону, и вот он уже растворился в работе, он больше не мастер игрушек, служащий Типу Султану. Он – дерево, молоток и резец. Ореховый аромат струится из нутра древесины, ее поверхность – словно водная гладь, обдуваемая ветром.

Все идет хорошо до тех пор, пока тишину не нарушает звериный рев, звук настолько рваный и неестественный, что молоток соскакивает, долото начинает скользить...

Боль пронзает тыльную сторону запястья. Белая рана длиной с большой палец, густо налитая кровью. Дю Лез спешит к нему, кричит по-французски. «*Ta main! Que t'est-il arrivé!*²⁰» Стекает теплая кровь.

– Я что-то слышал... – бормочет Аббас, перед глазами только черные крошечные точки.

И вот уже Дю Лез обматывает рану своей красной паткой, ведет Аббаса к стене, приказывает ему сесть и держать руку поднятой. Дю Лез стоит, почесывая затылок. Его джама призраком колыхается вокруг его форм.

– Сахаб, – тускло говорит Аббас, – твоя патка...

– Ее можно заменить, в отличие от твоей руки.

– Что это был за звук?

²⁰ Рука! Что случилось? (Фр.)

– *Quoi?* Труба?

С рабочего стола Дю Лез приносит коробку с изогнутой крышкой. На дне коробки мехи, скрепленные сложенными веером кусками кожи. Двумя пальцами Дю Лез нажимает на нижнюю часть мехов. Ящик издает горловое рычание, точно такое же, как Аббас слышал несколько минут назад.

– Ты слышал это, – говорит Дю Лез. – Эта коробка будет в голове тигра.

– Еще, – произносит Аббас, пораженный.

Дю Лез нажимает на мехи: тигр рычит.

– Это своего рода труба, – говорит Дю Лез, обнажая открытую сторону шкатулки, через которую Аббас видит тонкую стенку, разделяющую пустоту на две неровные камеры. – Надо было тебя предупредить.

Аббас смотрит вниз: его кровь заляпала пол. В голове проносится воспоминание: кто-то, возможно двоюродный брат, поднимает его повыше, чтобы показать, где тигр точил когти о ствол дерева, отметины полны неистовства, борозды настолько глубокие, что в каждую можно поместить два пальца.

Аббас вздрагивает, когда Дю Лез отодвигает ткань, крошечные нити цепляются за сырую плоть.

– Слишком глубоко, – говорит Дю Лез, выдыхая через нос. – Придется зашивать.

Аббас надеется, что в этом предложении что-то потерялось при переводе.

Мгновением позже Дю Лез вдевает нитку в иголку над миской с водой.

Аббас смотрит до последнего, затем закрывает глаза. Первый прокол заставляет его скривиться, но довольно быстро дыхание выравнивается. Ощущение, что тебя сшивают, оказывается более неприятным, чем сама боль; слышен шелест иглы, проходящей сквозь ткань человека, рана покрывается аккуратными белыми стежками.

– Готово, – говорит Дю Лез, отставляя в сторону чашу с окровавленной водой. – Тебе придется на неделю дать отдых руке.

– Но кто закончит тигра, Сахаб? – и ему в голову приходит другой вопрос, с привкусом паники. – Меня заменят?

Дю Лез потирает затылок, на его лице появляется страдальческое выражение.

– Если я уволю тебя сейчас, боюсь, ты попадешь не домой.

Прежде чем Аббас успеваеt спросить, куда еще он может попасть, Дю Лез отвечает: «Возможно, в темницу. Или еще хуже».

Аббас вздрагивает, точно ослышался.

– Поче... что я сделал?

– За изготовление чучела. За сговор с предателем. Разве ты не слышал своего властелина?

– Но он освободил... и наградил меня...

– Он наградил твоего отца. Насчет тебя он не определился.

Аббас смотрит на точильный камень. Еще утром он считал себя счастливчиком, потому что уже много дней не задевал лезвие.

– Дай руке отдохнуть, – продолжает Дю Лез. – Решение сможем принять потом.

* * *

Следующие пять дней Дю Лез запрещает Аббасу прикасаться раненой рукой к инструментам. Аббас пытается быть полезным, соглашаясь на любое простое задание, каким бы скучным оно ни было. Отрезать кусок кожи. Выпилить винты. Он полон решимости делать что угодно – даже выносить ночной горшок француза – лишь бы его не заменили (или еще хуже) и дали возможность научиться всему, чему сможет.

Со временем Дю Лез, кажется, привыкает к присутствию Аббаса и даже начинает вслух комментировать свои действия. Например, он объясняет, как деревянное зубчатое колесо с четырьмя железными лопастями будет установлено в шее тигра, как оно будет приводиться в движение червячной передачей на кривошипе, а четыре лопасти будут цеплять подъемную часть главной трубы.

Когда Аббас притворяется, что понимает, что такое червячная передача, Дю Лез цыкает зубом со всей язвительностью местного.

– Ты ничему не научишься, если будешь кивать, да? Если ты не понимаешь, спроси. Учись.

И Аббас начинает спрашивать и спрашивать. Удивительно, но терпение француза бесконечно. Вместо того чтобы снова цыкнуть зубом в ответ на вопрос, Дю Лез просто берет свою записную книжку. Он не может точно перевести термины *поршневой* и *переливной канал*, *коленвал* и *шатун*, но восполняет пробелы подробными схемами.

Аббас навсегда запомнит это время, постоянное волнение и вдохновение от учебы. Многое все еще остается загадкой. Всякий раз, когда он будто бы приближается к пониманию концепции – например, принципу движения кулачка и рычага, – Дю Лез усложняет картину еще двумя механическими дополнениями, и снова все понимание Аббаса погружается во тьму.

– За неделю всему не научишься, – говорит Дю Лез, обнаружив Аббаса, склонившегося над эскизом и пытающегося расшифровать коленчатый вал. – Молодые люди учатся годами.

Аббас поднимает на него взгляд, полный надежды.

– К сожалению, – говорит опешивший Дю Лез, – я планирую скоро уехать.

– Как скоро, Сахаб?

– Через несколько месяцев. В Париж.

– А как же война?

– А война может поцеловать мою левую ягодицу.

Аббас с трудом представляет себе эту картину.

– Война или не война, – говорит Дю Лез, – моя жизнь там.

* * *

Ночью Аббас мечется по кровати из стороны в сторону. Он еще не привык спать на матрасе так высоко над полом. Дома он предпочитает спать на веранде, на настиле, в окружении храпа братьев, которые отказываются верить, что храпят. («Докажи», – говорит Фарук, более наблюдательный из братьев.) Некоторое время Аббас смотрит на противоположную стену, на мозаику из лунного света, созданную резным окном джаали.

Он знает: его волнение не имеет ничего общего с матрасом и тишиной. Это что-то другое, чувство возмущения, незавершенности, чего-то недосказанного или недоделанного, вытесняющего воздух из легких. *Моя жизнь там*. А как же моя жизнь? – думает Аббас и сразу укоряет себя, ведь у него есть жизнь, и еще неделю назад он к ней с радостью бы вернулся, если бы это было возможно.

Но в нем что-то изменилось, у него появилось ощущение какой-то новой возможности, будущего, в котором он станет создавать нечто большее, чем игрушки и фигурки. Может быть, так влияет жизнь в Летнем дворце, наблюдение за величием огромного неба? Взгляды на горизонт и размышления о том, что там, за чертой?

Было время, когда фигурок было более чем достаточно, они были полны случайных открытий и забытых неудач, иногда восторга. Лучшие из них он дарил Фаруку, которому тогда было двенадцать лет; Аббас на два года младше, два брата были настолько близки по возрасту и уму, что Аббас обычно знал, о чем думает Фарук. Фарук предпочитал фигурки животных: козла, павлина, слона и крокодила, каждая следующая изысканнее предыдущей. Он расставлял их у стены возле своего настила и разговаривал с ними в темноте. Но когда Аббас принес ему фигурку человека – маленького деревянного мальчика – Фарук замолчал и стал вертеть его в руках.

Аббас ждал, что глаза брата расширятся от удивления, когда он увидит, как похожа на него фигурка. Он и сам удивился. Утонченность носа, симметрия глаз. Даже ухмылка. Он так гордился деревянным мальчиком, что почти хотел оставить его себе, чтобы помнить, на что он способен.

Но Фарук не стал его хвалить. Его взгляд был неподвижным и в то же время отстраненным, словно он видел в фигурке нечто такое, чего не мог разглядеть Аббас.

– Ты хотел чего-то другого? – спросил Аббас.

Фарук ответил:

– Я хочу то, что есть у тебя.

И Фарук вернул ему деревянного мальчика, а Аббас его выбросил, со смущением и почему-то чувством вины. Спустя несколько дней все остальные фигурки исчезли со стены.

Фарук отдал их соседским детям, которые, по его словам, были младше и все еще играли в игрушки.

Тогда это показалось Аббасу неблагодарностью. Теперь он понял. То, что Фарук сказал ему в тот день, – это именно то, что Аббас сказал бы Дю Лезу, если бы мог быть честным. *Я хочу то, что есть у тебя.*

* * *

Утром в мастерской Аббас позволяет Дю Лезу снять швы маленькими ножницами. Корка свежес-розового цвета. Дю Лез накрывает ее марлей.

Аббас немедленно приступает к работе над тигром, зная, что не может больше терять ни минуты. Пятнистая поверхность, раздутая форма – похоже на мешок, в котором держат дикого зверя. Он берет киянку и зубило, морщась от боли.

Он старается не отвлекаться на наблюдение за тем, что делает Дю Лез. Он учится сосредотачивать мысли на текущей задаче, будь то формовка ушей или доводка морды. Это и только это его задача.

Обычно после рабочего дня Дю Лез читает книги и пишет письма, а Аббас перекусывает в гостинной. Потом Аббас молится и готовится ко сну.

Но в этот вечер Дю Лез зовет Аббаса в гостиную. Дю Лез сидит в кресле из тикового дерева, на коленях толстая красная книга.

– С сегодняшнего дня начинается наставничество.

– Наставничество, Сахаб?

– Я буду учить тебя французскому. Чтобы потом, когда меня не станет, ты смог многому научиться сам из книг, которые я собираюсь тебе оставить. У меня есть прекрасный перевод трактата Туриано о Механическом монахе – он был закончен где-то в конце шестнадцатого века, – а также хорошая книга по часовому делу. Во всяком случае, для начала. Когда ты начнешь понимать часовой механизм, перед тобой откроется целый мир. Серебряный лебедь, *par exemple*²¹, – это часовой механизм, покрытый перьями и изящной отделкой, – Дю Лез останавливается. – Почему ты притих?

– Ты хочешь оставить мне книги, Сахаб?

– Только две, да. Я не могу перевезти их все во Францию.

Аббас не знает, что ответить, какие слова могли бы соответствовать величию этого подарка. В его жизни не было ни одной книги. Буквы он учил, рисуя на песке.

– У меня здесь есть «*Contes de ma mère l'Oye*», – Дю Лез показывает ему обложку со сверкающими золотыми буквами. – Король Людовик прислал ее в подарок Типу, но Типу счел ее слишком глупой. Она называется «Сказки... Матушки Гусыни».

– Самки гуся?

– Нет, это женщина по имени Матушка Гусыня. Человеческая женщина.

²¹ Например (*фр.*).

Аббас и Дю Лез смотрят друг на друга, ошеломленные языковой пропастью.

– *Alors*, начнем? – говорит Дю Лез.

Аббас садится в кресло и кладет книгу на колени. Язык дается ему нелегко, но он еще долго будет помнить, как впервые перевернул обложку и вдохнул аромат, поднимающийся от страниц, похожий на влекущее дыхание самой Франции.

Однажды утром Дю Лез просыпается в тисках жутчайшего похмелья. Единственное лекарство – добавка вина – должно быть в шкафу, но, открыв дверцы и перебрав все бутылки (пустая, пустая), он может только проклинать себя. Какая-то уксусная дрянь жалобно стекает по пищеводу.

Приняв решение пополнить запасы, он быстро одевается в джаму и патку. Зеркало на двери сталкивает его с отражением. Обычно он предпочитает не смотреться в зеркало до полудня, если уж не получается избежать этого совсем. Когда он видит себя, у него всегда возникает один и тот же вопрос: «*Что с тобой случилось?*» Ему пятьдесят семь, вся неприужденность испарилась с его лица. Он ухмыляется: вот он, старый развратник с щербинкой в зубах – или, во всяком случае, какая-то его часть. Блак был первым, кто сказал, что ему нравится эта щель между двумя передними зубами. Не просто нравится. *Я скучаю по кончику моего языка, погруженному в нее*, написал он. Это было в Париже. Последние письма Блака были сухими как мел, нужно было учитывать шпионов и цензоров Типу, хотя в последнем послании все-таки был небольшой рисунок – улыбка с щелочкой между зубами.

Это письмо пришло год назад вместе с бутылкой арманьяка. С тех пор ничего.

Поспешно одевшись, Дю Лез идет в гостиную. Аббас уже закончил завтрак. Теперь он сидит в кресле и рассматривает иллюстрацию из «Сказок матушки Гусыни».

Они забросили книгу после первого занятия, когда Дю Лез понял, что большего прогресса можно добиться с помощью простых слов и фраз, которые можно складывать в предложения. *Bonjour. Bonsoir. Quel est votre nom? Bonne nuit*²². Теперь Дю Лез сомневается, не был ли он слишком амбициозен в своих планах – с трактатом Туриана и всем остальным. Но кто знает, на что способен мальчик, обладающий таким упорством и такой челюстью?

Аббас поднимает взгляд:

– *Bonne matin, monsieur*²³.

– У меня дела, – беспомощно грубит Дю Лез, направляясь к двери. – Сегодня ты работаешь без меня.

– Но, Сахаб, у нас осталось всего две недели...

– Тогда трудись. Я скоро вернусь, – Дю Лез чувствует, что до двери его провожает нахмуренный взгляд мальчика.

* * *

Дю Лез седлат в конюшне дремлющую кобылу и укладывает в седельную сумку свои пустые бутылки. Вместе они бредут по узкой грунтовой дороге, ведущей к Французским

²² Здравствуйте. Добрый вечер. Как вас зовут? Доброй ночи. (Фр.)

²³ Доброе утро, месье. (Фр.).

скалам – французскому поселению у подножия холмов Хироди.

Дорога вьется мимо дождевых деревьев, дающих мимолетную тень, тонкое плетение крон напоминает бретонское кружево. Лужи блестят вчерашним дождем. Хотя бы жара еще не так давит, думает он, пока не покидает сень деревьев и не выходит на бессолнечный белый зной; через несколько минут на спине собирается лужица пота. Лошадь время от времени спотыкается, ее шея такая же мокрая, как и его собственная.

Людей здесь практически нет. Женщина в розовом доит корову. Другая длинным изогнутым ножом копается в куче растений. Мальчик сидит на траве, упираясь ладонями в землю, в окружении четырех белых буйволов в разных позах, выражающих покой и отдых. Мальчик смотрит на Дю Леза, который мимоходом касается своей шляпы, но никак не реагирует.

Час спустя его взору открываются холмы и обтесанные ветром валуны на их вершинах. Под ними – ряды серых палаток, проросших и неподвижно замерших, как грибы.

Дав лошади угощение, Дю Лез пробирается через лагерь, стараясь дышать исключительно ртом, хотя и это не помогает спастись от запаха нечистот, витающих в воздухе.

– Где здесь уборная? – спросил Дю Лез в свой первый визит сюда много лет назад.

– Вы в ней стоите! – рассмеялся солдат.

В этот момент Дю Лез решил сократить до минимума посещение Французских скал.

Он идет прямо к навесу, стоящему отдельно от палаток и увешанному табличками с надписью на каннада и французском: «*Продажа спиртных напитков ТОЛЬКО ФРАНЦУЗАМ*». Продавец, Гуркюфф, занят солдатом, периодически кивая; солдат разглагольствует, обращаясь к невидимым массам:

– ...Вы только посмотрите, что произошло с нашими продавцами шелка! Лучше лионского шелка не бывает, так всегда говорила моя мать. Но как только элиты подхватят индоманию, она распространится, как дизентерия, это я вам обещаю. Все будут требовать индийский муслин и индийский хлопок, а лионским шелком будут вытирать задницы! Может быть, это уже происходит, а мы просто не знаем, потому что застряли на этом камне, по одному Богу известной причине...

Дю Лез ставит пустые бутылки на прилавок. Солдат замолкает при виде тюрбана, джамы и сандалий Дю Леза, совокупность которых заставляет его прошептать: «Боже, помоги нам».

– Доброе утро, – говорит Дю Лез Гуркюффу.

– Месье Дю Лез, – говорит Гуркюфф, оглядывая бутылки. – Вы пьете это пойло или купаетесь в нем?

– У меня к вам личный вопрос, – тихо произносит Дю Лез. – У вас, случайно, нет где-нибудь припрятанного брен-

ди? Какая-нибудь личная записка?

– Вы видите виноградники за моей спиной?

– Импортированного, конечно. Я доплачу.

– У меня есть фени из кешью. Только что привезли из Гоа.

С неохотой Дю Лез соглашается на бутылку пальмового вина и четыре бутылки фени.

– Вы знакомы с лейтенантом Лораном? – спрашивает Гуркюфф, направляясь к полкам. – Лоран, это месье Дю Лез.

Дю Лез коротко кивает Лорану, загорелому парню с плохими зубами на прекрасном лице. Дю Лез не расположен к светским беседам. Он сжимает костяшки пальцев, чтобы скрыть дрожь в руках.

– Типу заставляет вас носить это платье? – спрашивает Лоран.

– Под страхом смерти, – говорит Дю Лез, глядя вперед. – Но мои панталоны – чистый лионский шелк.

– Вы шутите? Он шутит? – Лоран спрашивает Гуркюффа, который сидит на корточках среди ящиков, переворачивая бутылки, чтобы рассмотреть этикетки.

– Откуда вы? – спрашивает Лоран у Дю Леза.

– Руан.

– Значит, вы нормандец, а Гуркюфф – бретонец! – усмеяется Лоран. – Слышали анекдот...

– Про нормандского ребенка и бретонского ребенка? Да.

– Если подбросить их обоих в воздух, оба выживут. Бретонец – потому что такой твердолобый, что отскочит. А нор-

мандец – потому что такой жадный, что его маленькие пальчики схватятся за карниз.

Дю Лез кидает хмурый взгляд.

– Между прочим, я двадцать лет прожил в Париже, в квартале Марэ.

– Ах, Марэ, – говорит Лоран с тоской в голосе. – Я сделал предложение своей жене на прогулке в Марэ. – Он опирается локтем на стойку и вздыхает в небо. – *Oh là*, рано или поздно.

– Рано или поздно что?

– Я вернусь.

– Я говорил то же самое. И все еще здесь, пять лет спустя.

Лоран выпрямляется.

– Я вернусь. Точно.

– Не стоит горячиться. Я тоже намерен вернуться.

– Вы? – Лоран удивлен. – Как?

– На корабле, как и все.

– Но вы не можете.

Дю Лез и Лоран хмуро смотрят друг на друга, как будто больше не говорят на одном языке.

– Что значит «не могу»? – Дю Лез старается звучать непринужденно. Возвращается Гуркюфф с охалкой бутылок, ставит их на стойку. – О чем, черт возьми, он говорит?

– Откуда мне знать, вы же послали меня искать ваше драгоценное пойло...

Лоран продолжает говорить бодрым, бескровным голосом бюрократа.

– Закон об иностранцах запрещает всем невоенным эмигрантам возвращаться во Францию. Их активы были конфискованы, их собственность национализирована и продана. Если эмигрант вернется, его ждет смертная казнь.

– А, это, – спокойно произносит Гуркюфф. – Вам следует почаще бывать здесь, Дю Лез. Если бы вы так делали, то были бы в курсе. О себе я не беспокоюсь. Они не могут уследить за каждым уехавшим старым прохвостом.

– Могут, – возражает Лоран. – В каждой общине по всей стране ведут списки эмигрантов, целые департаменты созданы только для того, чтобы следить за ними.

– Уверяю вас, никто не следит за стариной Гуркюффом. Я не настолько важен.

Оба смотрят на Дю Леза.

Взрыв смеха за спиной, резкий запах мочи. Значит, он не поедет домой. У него нет дома.

Гуркюфф подталкивает стакан Дю Лезу, тот делает глубокий вдох и осушает его – первый на сегодня, но далеко не последний.

* * *

Есть Франция *dedans* и Франция *dehors*²⁴. К последней принадлежат эмигранты, изгнанники и иностранцы, объеди-

²⁴ Внутренняя и внешняя (*фр.*).

ненные теперь законом. Среди них есть такие, кто знает все о ситуации дома, а есть те, кто знает еще больше. И никто лучше не умеет спорить о родине – о ее приоритетах, политике, прогрессе и его противоположности, – чем те, кто уже не на родине. На расстоянии все становится яснее.

Всем, кроме Люсьена Дю Леза, который стоит на вершине самого высокого холма Хироди. Границы мира разбегаются, сбивая его с толку.

Это было неуклюжее, пьяное восхождение, Дю Лез хватался за высокие травы между валунами, пытаясь забраться на вершину холма. Кобыла осталась внизу, нагруженная бутылками. Жаль, он не подумал о том, чтобы уменьшить ее груз, взяв одну с собой.

Теперь он изнемогает от усталости, обливается потом. Он массирует руки, поцарапанные при восхождении. Когда он был маленьким мальчиком, отец сидел напротив него и щелкал костяшками пальцев сначала на правой руке, затем на левой. Если Дю Лез вздрагивал, отец упрекал его в «тонкокожести» и предупреждал, что если Люсьен не перестанет хныкать, он снова познакомит его со своей тростью. Поэтому Дю Лез в свое свободное время практиковался на собственных руках, чтобы когда он встретит взгляд отца, пройти испытание, не моргнув.

В юности он был подмастерьем у отца, сурового человека, который озлоблял всех, кто работал на него. Дю Лез быстро перерос его опыт и перешел к другим мастерам часового де-

ла, но кое-что он никогда не перерастет: горящее ухо в ладони отца, звучащий в голове скрежет собственных зубов. И все это – якобы за то, что он не смог как следует отчистить инструмент. Люсьен знал, что была и другая причина, нечто в нем самом, что в любой момент могло разжечь отцовскую ярость, независимо от того, были инструменты чистыми или нет.

Он помнит, как Блак много лет спустя поцеловал костяшки его пальцев и сказал:

– Это отвратительная привычка, Люсьен. Пожалуйста, прекрати.

Блак. Это он виноват в том, что отказался поехать вместе, что настаивал остаться и поддерживать обреченную монархию, потом конституционную монархию, а потом, когда монарха не стало, бежать и из укрытия писать письма, лишённые юмора и изобилующие цитатами, как будто они предназначены для чтения студентами-историками через сто лет.

Дюкенуа утверждает, что ни магнаты, ни бандиты не являются народом. Он говорит, что народ состоит из буржуазии, из толпы занятых, добродетельных людей, которых не портит ни богатство, ни бедность; это они являются нацией, народом.

Блак написал это в последнем письме. На что Дю Лез ответил: «Если бы я хотел слушать Дюкенуа, я бы трахал Дюкенуа».

И: Мы не те люди, о которых он говорит.

Но: *Ты – мой человек.*

Также: *Больше о щербинке меж моих зубов.*

Они встретились на празднике в честь королевы. На ней был головной убор, созданный Люсьеном, – взбирающийся к небу, похожий на облако парик, в котором кругами летали две синие механические птицы. С ее харизмой она могла надеть капор и все равно быть центром внимания. (Ее глаза танцевали, когда встречались с его глазами, те самые глаза, которые, как позже узнал Люсьен, всматривались в толпу, когда палач поднял отрубленную голову.) А рядом с ней стоял молодой человек, погруженный в раздумья и не обращающий внимания ни на птичий парик, ни на королеву. «Кто ты?» – подумал Люсьен, увидев Блака в тот день. Кто может быть настолько самодостаточным?

Дю Лез написал всем общим друзьям, но так ничего и не разведал о местонахождении Блака; он не знал, жив или мертв его возлюбленный. Однажды, только однажды, в самый разгар тоски и душевной боли, Люсьен случайно перепихнулся в дворцовых апартаментах. Придворный, небольшого роста, квадратное лицо. Люсьен потом несколько недель мучился, уверенный, что его обнаружат, казнят за те десять сладких минут с миниатюрным придворным, за тот вздох в светящейся темноте.

Он выжил, но ради чего? Как утомительна жизнь в чужой стране, где даже время течет по другим правилам, где день делится не на часы по шестьдесят минут, а на отрезки по

двадцать четыре минуты – гхаты. Ему потребовался целый год, чтобы понять, не прибегая к мысленным вычислениям, смысл фразы *приходи ко мне ужинать в три гхаты после заката*. И до сих пор – так много непонятных слов, так много неправильно истолкованных шуток. Самое невыносимое – быть шутком: часовщиком, плохо различающим время, лишенным дома.

Сейчас с вершины холма Хироуди ему кажется, что смерть – это единственный дом, который у него остался.

Он делает вдох пересохшим ртом и выглядывает за край валуна. Далеко внизу лежит плоская, как надгробие, плита. Он размышляет, как бы так спланировать свое падение, чтобы макушка встретилась с надгробием.

Битый час он ходит по вершине холма, то и дело приближаясь к обрыву. Сев на землю, он подползает к краю и ложится на бок, свешиваясь вниз по скале. Ноги находят две разные опоры. Он облакачивается на локти. Он делает неглубокие, энергичные вдохи. Он выкарабкивается обратно на ровную поверхность и ложится лицом вниз на ладони, солнце обжигает шею. Он чувствует слабость, мышцы превратились в творог.

Мимо уха пролетает пчела. Он вздрагивает, потом усмеяется своему страху перед пчелами, который пересиливает страх смерти.

Пчела возвращается донимать его. Он переворачивается на бок и размахивает рукой, пытаясь ее отогнать, и вздраги-

вает, видя, что пчел стало две, потом три. И тут он понимает: Это рой. Их сотни.

С трудом поднявшись на ноги, он спускается в расщелину между камнями и пробует затаиться. Глупый поступок, осознает он. Бежать некуда. Он ждет, когда рой хлынет в расщелину и уничтожит его. Но вместо этого черное облако продолжает висеть над ним. Он наблюдает – испуганно, но заморожено. Рой кажется единым разумным существом, заполняющим все пустоты его сердца своим неземным гулом, и он задумывается, не содержит ли этот гул тайное послание, предназначенное лично ему.

– Блак? – шепчет он.

А затем рой начинает редеть, как вуаль, уплывающая вдаль, пока в одно мгновение не растворяется совсем.

* * *

Дю Лез не верит ни в призраков, ни в пчел, посланных Богом, ни в суеверия, которые, похоже, управляют жизнью всех местных жителей, которых он встречал. Пчелы просто помешали ему покончить с жизнью, так же как он, должно быть, помешал их миграционному маршруту, чем привел их в бешенство. Вот и все, думает Дю Лез, спускаясь с холма, все еще чувствуя жужжание в костях.

В седле он трезвеет. В следующий раз – никаких головокружительных обрывов. Может быть, яд или отточенное лез-

вие по запястьям.

Внутренний голос уговаривает его подождать, подумать о мальчике, Аббасе, который не в состоянии сам закончить работу над механизмом. Как отказаться от него сейчас, бросить на произвол судьбы? Но – чем он обязан мальчику, которого только что встретил?

Дю Лез закрывает глаза и пытается думать. Ловит ритм лошади, стука бутылок. Представляет себе авиарий, некогда венчавший королеву, двух птиц, влетавших и вылетавших из парика. Он уверен, что парик разорвали, выкинули в мусор или сожгли вместе с другими его творениями. Почему бы тогда не завершить тигра и не остаться в веках с чем-то, им созданным?

Всего несколько недель, это он выдержит. Он может довести проект до конца, а затем вывести себя из игры – *тик-так* – именно в таком порядке. По крайней мере, можно попытаться.

6

Нашему дорогому сыну Аббасу, мир тебе и нашему Падишаху Типу Султану.

Мы пишем в надежде, что ты находишься в добром здравии и хорошем настроении. Это так? Уже несколько недель мы не получали никаких известий, с твоего ухода из дома. Несомненно, ты много работаешь и жиреешь на дворцовой пище. Мы благодарны Аллаху, да будет благословенно имя Его, Падишаху и Французскому Сахабу за оказанную тебе честь.

Твоя мать говорит, что ты должен стать писцом, пока живешь в Летнем дворце. Она говорит, что нужно просто поспрашивать вокруг, а если ты не будешь спрашивать, то ни к чему не придешь. Я бы предпочел, чтобы ты вернулся домой. В лавке стало слишком тихо. Кроме того, петухи Джунаида стали похожи на пеликанов, а он, как ты знаешь, плохо воспринимает критику.

Надеемся скоро тебя увидеть. А до тех пор пусть Аллах направляет тебя и оберегает.

Абба

Прочитав письмо, Аббас пишет быстрый ответ: *Все хорошо, Абба. Очень занят. Скоро приду домой. Твой сын Аббас.* Дю Лез соглашается отправить письмо, скрепив его соб-

ственной печатью.

– Уверен, что по дороге его все равно где-нибудь вскроют, – говорит Дю Лез, дыша на сургуч, – Но так больше шансов, что оно попадет к твоему отцу.

Передав письмо слуге, Дю Лез ведет его в мастерскую.

– Как твои родители? – спрашивает Дю Лез через плечо.

– Они здоровы, Сахаб.

– Они беспокоятся о тебе?

– Полагаю, как и все родители.

– Нет такого понятия, как все родители, – говорит Дю Лез. – Только твои собственные.

Воцаряется молчание. Аббас думает, не нарушил ли он какую-то личную границу, хотя Дю Лез был первым, кто заговорил об этом.

Когда они проходят мимо кактуса Хвост обезьяны, Дю Лез проводит рукой по пушистым сережкам, как будто у него с цветком близкие дружеские отношения.

– *En tout cas*²⁵, – говорит он, – передай им, что скоро все кончится.

* * *

Всю неделю Аббас задерживается в мастерской дольше Дю Леза, иногда дремлет за столом, положив голову на ру-

²⁵ В любом случае (*фр.*).

ки, просыпается от падения стамески на пол. В целом он доволен внешним видом тигра, но иногда собственное творение кажется ему незнакомым, он почти убежден, что слышит идущую изнутри него пульсацию темной энергии. Первый раз это случилось, когда он рисовал чернилами линию брови тигра. И еще раз, когда он снял верхнюю часть, чтобы отшлифовать внутреннюю поверхность, и обнаружил, что смотрит из пасти тигра, как будто он живой кусок мяса в его брюхе.

По вечерам Дю Лез терпеливо ведет уроки французского языка за чашкой чая, никогда не теряя самообладания. Аббас сомневается, пригодятся ли ему когда-нибудь все эти скользкие фразы. Он не спит, бормочет французские слова, который выучил у Дю Леза, представляя себе страну, в которой, как ни странно, есть всего одно слово, обозначающее дождь.

* * *

Тем не менее Аббас гордится тигром, рождающимся в его руках. Тигры ему удаются. Они живут в сказках и лесах, в статуях и картинах, везде и нигде одновременно.

Об английских солдатах он знает мало, а понимает еще меньше. Перспектива вырезать одного из них беспокоит его.

Хорошо, что всегда можно занять себя тигром: когти заточить, конечности отшлифовать, языку придать форму и заправить в пасть. И поэтому он продолжает делать то, что зна-

ет, откладывая то, чего не знает.

* * *

Прежде чем отправиться в путь, Аббас получает разрешение осмотреть фрески на внутренних стенах дворца, в частности, битву при Поллилуре.

* * *

С этюдником в руках он стоит в нескольких шагах от картины, поле зрения заполнено плывущими фигурами. Вот Хайдар и Типу, отец и сын, спокойно наблюдающие за насилием со спин слонов. Вот полковник Бейли в паланкине, пускающий костяшки пальцев при виде взрыва пороховой телеги, и майсурская кавалерия, которая окружает его, скача галопом, пуская стрелы, вонзая копья. Тем временем английские войска застыли тремя плотными рядами, ружья беспорядочно целятся во все стороны. На траве валяется отрубленная голова.

Как только он заканчивает делать наброски, охранник выпроваживает его. Аббас пробегает глазами по резьбе колонн и окон яроха, по деревянной листве, которая словно растет из стен. Он почти уверен, что знает, какие цветы вырезал его отец – те, чьи лепестки пронизаны тремя тонкими линиями.

Шесть лет жизни отец отдал Летнему дворцу, но так никогда его и не увидел и, скорее всего, никогда не увидит.

На полпути через сад Аббас замечает придворную танцовщицу в белом, кружащуюся босиком на траве. Он замедляет шаг и останавливается. Он видел артистов во время фестивалей, женщин, мягко ступающих с маленькими глиняными лампами в руках, но никто еще не был так искусен, как эта танцовщица.

Он мог бы приблизиться к ней за три шага, если бы осмелелся. Поле его зрения сужается до нее одной.

Она двигается медленно, с мрачной неторопливостью, следуя указаниям Типу, предписывающим танцовщицам воздерживаться от распутных взглядов и движений. В ее взгляде сквозит скука. Но не танец ей наскучил, а стражник, который водит языком по своему самому острому зубу. Бесчисленное количество раз, стоя за спиной того или иного гостя, он беззвучно цокал языком в ее сторону. Этот жест был призван обезоружить ее, заставить оступиться, потерять самообладание. Но он не знает, что во время выступлений она терпела и хватания за попу, и касания членом, всевозможные унижения; он не знает, что, медленно проводя нежной, красной от хны ножкой по траве, она мысленно режет его шею кухонным ножом и слушает, как он захлебывается кровью.

Безмятежно журчит каменный фонтан.

Она поднимает взгляд на молодого гостя, тот коротко ки-

вает, смущаясь, и уходит.

Девственник, думает она, продолжая медленно танцевать на траве.

* * *

Осталось всего десять дней: этого времени Аббасу никак не хватит, чтобы вырезать солдата из цельного куска дерева, как тигра. Поэтому он собирает солдата из нескольких блоков.

Аббас и Дю Лез как раз подгоняют отверстие трубы ко рту, когда кто-то стучит тростью о порог мастерской.

– Вот ты где, негодяй! – человек в дверном проеме снимает шляпу и обнажает лысую голову, обнятую тонкой прядкой волос. – Снова прячешься от мира, ничего удивительного.

Плохо понимая французский посетителя, Аббас смотрит на Дю Леза. Дю Лез закрывает глаза и вздыхает, как будто надеясь, что когда он их откроет, посетитель исчезнет.

– Мой дорогой Мартин, – говорит Дю Лез, – что могло оторвать вас от кузницы?

– О, не прикидывайся дурачком, ты сам пригласил! – Мартин вешает шляпу на токарный станок.

Дю Лез знает Мартина совсем поверхностно: они учились в одной часовой школе в Париже.

Но если Дю Лез сделал карьеру часовщика, то Мартин переключился на инженерное дело и вот уже десять лет слу-

жит в оружейной мастерской Типу. Однажды за долгим ужином в доме министра Мартин поведал Дю Лезу печальные подробности своей женитьбы: как он влюбился в обеспеченную мусульманскую девушку, как уговорил ее семью принять его предложение, как женился вопреки желанию собственных родителей, и как его возлюбленная Шахина умерла через два дня после рождения их дочери Жанны.

– Прекраснее женщины я не встречал, – сказал он, и слеза упала в остатки пахты. Дю Лез выразил соболезнования, но втайне поклялся никогда больше не садиться рядом с месье Мартином.

– Моя дочь хотела увидеть ваше творение, – говорит Мартин и проводит ладонью по лбу, осматриваясь вокруг. – Как и я, если честно.

Только теперь Дю Лез замечает девочку девяти или десяти лет, стоящую в дверях. Она заглядывает в мастерскую, застенчивая и осторожная, в желтой шелковой юбке. Мартин что-то ей шепчет. Она быстро делает реверанс Дю Лезу, осматривает стены, медово-каштановые волосы собраны в две смазанные маслом косички, руки сложены, будто ее предупредили ни к чему не прикасаться.

На каннада Дю Лез говорит Аббасу, чтобы тот сделал ей юлу – из бруска, который уже установлен в токарном станке. Аббас кивает и снимает шляпу Мартина со станка, держит ее в обеих руках, ожидая, когда Мартин заберет ее и переложит в другое место.

Мартин ничего не замечает.

– Вы потрясающе овладели местным языком, – говорит он Дю Лезу по-французски. – С закрытыми глазами вас можно принять за местного жителя.

– Нет, если вы местный, – отвечает Дю Лез.

Мартин взрывается смехом. Аббас вешает шляпу на стену.

Пока Дю Лез идет показывать посетителям тигра, Аббас садится к токарному станку. Сегодня он планировал превратить этот брусок в предплечье солдата – одна из семнадцати других неотложных задач, которые ждут его: еще, к примеру, доработка подбородка солдата. И носа. А также рта. Рот – это даже не совсем рот, а просто отверстие под изогнутую трубу. Это далеко не рот флейтиста Вокансона²⁶ – механизма, чьи тонкие губы были так искусно выстроены, что, по словам Дю Леза, могут сыграть целую песню.

Нажимая педаль, Аббас начинает вращать брусок. Он прижимает жесткое долото к дереву, меняя угол и создавая форму, затем выпиливает ручку веретенообразной стамеской. Летят стружки и осыпаются на тыльную сторону его руки. Он почти не замечает маленькую девочку, которая на-

²⁶ *Жак де Вокансон* – французский изобретатель и художник, построивший первый токарный станок. Это был первый в истории человечества индустриальный механизм, который дал толчок к появлению других механизмов и значительно поспособствовал индустриальной революции. В числе прочего Вокансон изобрел первый автоматический ткацкий станок, а также флейтиста – механическую фигуру пастуха в человеческий рост, который играл на флейте.

блюдает за ним с противоположной стороны мастерской.

Сквозь визг и гул пилы девочка кричит ему на каннада:

– Папа называет меня Жанна, но мое настоящее имя Джейхан!

Аббас молча кивает. Ему лучше вообще никак ее не звать, учитывая ее статус.

Она склоняет голову, изучая деревянного мужчину.

– Он так и должен выглядеть?

– Так – это как?

– Он смешной. Как шутка, – она вдруг замечает, что Аббас хмурится, и меняет интонацию. – В хорошем смысле. Я люблю шутки.

Он жмет на педаль сильнее, надеясь, что грохот заглушит продолжение разговора.

Девочка тянется вперед, ее нос все ближе и ближе к вращающейся части, пока он не предупреждает:

– Не так близко – нос оторвет!

Она отпрыгивает назад, прикрывая нос рукой.

Он улыбается, чтобы успокоить ее.

– Хочешь кое-что покажу?

Она отпускает нос и кивает.

Он наносит на кончик юлы полоску красного лака, окрашивая его в яркий малиновый цвет. Другим мазком рисует желтый венчик из ногтей вокруг корпуса. Он добивается идеального блеска краски, не сводит взгляда с юлы, чувствует ее растущий интерес.

Наконец он крутит ручку и запускает юлу в круговорот желтого и красного. Она смотрит, приоткрыв рот; он глядит на нее. Он никогда не видел ребенка такого цвета: янтарная кожа, серые глаза, тяжелые брови. Ему приходит в голову, что ее черты – слияние, должно быть, черт месье Мартина и майсурской жены.

Юла слетает со стола и падает ему в руку. Он протягивает ее девочке. Она берет ее в ладошки и смотрит на него так, будто он только что на ее глазах из плотника превратился в сказочного волшебника.

Позже, после ухода месье Мартина и его дочери, Дю Лез проделывает во рту деревянной фигуры отверстие для трубки. Они отходят с Аббасом в сторону и оценивают... что? Что это за существо с розовым блином вместо лица, клиновидным носом и круглыми голубыми глазами без зрачков? Это совсем не похоже на то, что Аббас представлял себе и собирался сделать, столько времени потратив на изучение своих гримас в зеркале француза, на создание множества набросков страдающих глаз и носов. Теперь осталось только его собственное страдание.

– Сойдет, – говорит Дю Лез необъяснимо бесстрастно.

– Он даже на человека не похож, Сахаб.

– Он и не должен. Иначе мы будем его жалеть. А мы должны презирать его, мы должны желать ему страданий.

Аббас хмуро смотрит на Дю Леза.

– Может быть, стоит повернуть его лицом к стене, – раз-

думывает Дю Лез.

На прошлой неделе по указанию Дю Леза Аббас вырезал ряд французских букв на нижней стороне главной трубы. Только позже Дю Лез объяснил, что они означают. *Faite par L. Du Leze & Abbas*²⁷. Аббас был ошеломлен. Его имя? В одном ряду, на одном дыхании, вместе с именем Дю Леза? Он осмелился поверить, что заслуживает чести.

– *Тик-так*, – говорит Дю Лез, похлопывая его по спине.

Аббас интерпретирует жест как выражение крайней степени жалости и остается в сомнениях.

²⁷ Авторы – Л. Дю Лез и Аббас (фр.).

Утром в день презентации Аббас надевает костюм, слишком изысканный для человека его положения. Это подарок Дю Леза, который был очень настойчив. Короткая джама из тонкого белого муслина застегивается под левой рукой. Зеленые шелковые шаровары обнимают его лодыжки аккуратными диагональными волнами. В качестве последнего штриха Дю Лез дарит ему пару моджари²⁸.

– Из верблюжьей кожи, – говорит дю Лез, пока Аббас качает головой. – Что такое? Не бойся, не спадут.

– Это будет неправильно, Сахаб.

– Кто заметит, что у тебя на ногах?

Аббас поднимает бровь.

– А, ну да, – соглашается Дю Лез, откладывая тапочки в сторону. – Там будет он.

Дю Лез, наоборот, одевается с целью привлечь к себе внимание. Весь его наряд – это выставка текстиля, начиная с афганской парчовой кабы, стягивающей его талию, унизанной цветами и украшенной жемчугом, и заканчивая накинутой на плечо шахтой, мягкая шерсть которой собрана вручную с колючек, о которые кашмирские горные козлы мимоходом чесали себе брюхо, – так, во всяком случае, утверждает про-

²⁸ Праздничная индийско-пакистанская обувь ручной работы, по форме напоминающая тапочки.

давец.

– А это? – спрашивает Дю Лез, надевая на большой палец бирюзовое кольцо. – Это слишком?

– Нет, Сахаб. Бирюза защищает от несчастья.

– Для этого поздновато, – говорит Дю Лез. Аббас не знает, как интерпретировать это замечание, и у него не остается времени спросить, потому что стражник, который должен сопровождать их на праздник, уже здесь.

* * *

В юго-западном углу королевского сада расположен Раг-Махал – скромный маленький зал, который мог бы уместиться в кармане дворца. Внутри зал забывает о всякой скромности и превращается в буйные джунгли. Веерные пальмы и райские птицы обрамляют тарелки с лепешками и бисквитами, яйца рашгулла²⁹ в плетеных гнездах из сахара непрерывно обдуваются слугами, чтобы сахар не растаял, тут же красуются шары огненно-карамельного цвета, попугаи из фиштаккового барфи³⁰, марципановые пчелы, парящие над цветочными конфетами. Аббас никогда не видел ничего подобного этому залу, и, приближаясь к марципановой пчеле, отмечая каждую ее идеальную полоску, он понимает, что никогда этого не забудет.

²⁹ Десерт из творожных шариков.

³⁰ Десерт на основе помадки из сгущенного молока.

– Бу! – говорит Жанна, выглядывая из-за пчел. – Я тебя напугала.

– *Bonjour, mademoiselle*³¹, – он склоняет голову. Она смотрит на него так, будто он – единственный человек в комнате.

– У меня с собой юла, которую ты мне сделал, – она откусывает кусочек ладду, который держит в руке, и добавляет: – В кармане.

– Очень хорошо, мадемуазель.

Она запихивает в рот остатки ладду и говорит, прикрываясь ладонью.

– Я хочу стать мастером игрушек, когда вырасту. Папа говорит, что только дурак будет мастерить игрушки. – Она вдумчиво жует, потом проглатывает. – Но ты не похож на дурака.

– Спасибо. И где твой папа?

– Сейчас приведу! – говорит она и торопливо уходит.

К огромному облегчению, Аббаса зовут помочь трем слугам, которым поручено опустить нижнюю половину тигра на тело солдата. Дю Лез медленно направляет их, и наконец четыре отверстия в солдате – два в бедрах, два в плечах – заполняются длинными деревянными винтами, торчащими из лап тигра.

Аббас предпочел бы менее заметные винты. И жаль, что он соединил руку солдата не в локте, а ниже локтя. И, возможно, было плохой идеей украшать красный мундир золо-

³¹ Здравствуйте, мадемуазель (*фр.*).

тыми цветами. Он думал, что без них мундир будет выглядеть слишком скучно, что, возможно, цветы отвлекут внимание от недоработок лица. Сейчас он стоит и одергивает переднюю часть своей новой джамы, чувствуя, как в подмышках расцветают пятна пота.

Механизм накрыт покрывалом из глазированного белого хлопка, который колышется вокруг спрятанного под ним предмета.

Дю Лез и Аббас встают по бокам механизма, гости начинают просачиваться внутрь, их появление по одному объявляет чобдар с булавой. Среди них самые выдающиеся офицеры Типу: Сайид Гаффур, Мир Садик, Мухаммед Раза, Хан Джехан Хан и Пурнайя, предположительно единственный брамин, которому Типу еще доверяет.

(Всем сведущим хорошо известно, что положение Пурнайи в данный момент неоднозначно. Одни говорят, что Типу должен избавиться от Пурнайи, что Типу не должен доверять индусу. Другие – что преданность Пурнайи не вызывает сомнений, вспоминают его службу отцу Типу, Хайдару Али. Когда Хайдар умер в палатке на поле боя, Пурнайя знал, что нельзя допускать распространения слухов о мертвом правителе и побуждать других занять его место. Именно Пурнайя отправил Типу тайное послание: «Отправляйся в Шрирангапаттану и объяви о наследовании». Именно Пурнайя уложил тело Хайдара в богато украшенный сундук и наполнил его ноготками, гвоздиками и благовониями, чтобы на протяже-

нии всего пути никто не заподозрил, что внутри гниющий труп. Если Типу не может доверять Пурнайе, то кому он может доверять?)

Из всех богато одетых гостей, всплывающих в зал, из всех воинов и героев баталий, только один заставляет Аббаса забыть собственное имя, только один, чье имя он знает с детства.

Чудесная Рука, управляющий золотых мастерских, возможно, величайший художник столетия, легенда среди мастеров. В знак приветствия Дю Лез сжимает ладони Чудесной Руки. Аббас стоит в стороне, онемев от изумления. (Аббас, может быть, и не из тех, кто разбирается в золоте, но он знает толк в мастерстве; он знает, что Чудесная Рука сделал кольцо, которое сейчас венчает большой палец Типу, что его внутренняя часть инкрустирована крошечными рубинами, каллиграфическим почерком выводящими все титулы Типу – творение, которое заставило Типу наречь мастера именем *аджаиб-даст*. Чудесная рука.)

– Ну что, Муса, – говорит Чудесная Рука, заглядывая Дю Лезу через плечо, – что ты прячешь под покрывалом?

– Творение, которое, конечно, не сравнится с вашими, *mon cher*³², – Дю Лез наклоняет голову в сторону Аббаса. – Это мой помощник.

Дю Лез и Чудесная Рука смотрят на него. Аббас, лишенный дара речи, может только прижать руку к сердцу и по-

³² Дорогой мой (*фр.*).

клониться.

– Он очень талантлив в резьбе по дереву, – продолжает Дю Лез. – Держу пари, он лучший из всех майсурских резчиков, которых я когда-либо встречал, и я думаю, что тигр – это только начало его достижений.

То, что Аббас, возможно, единственный майсурский резчик по дереву, которого встречал Дю Лез, Аббас поймет несколько позже. Сейчас он тронут. Прибывают чиновники, министры и их семьи. Вот двенадцать сыновей Типу и их свита в одинаковых бордовых ливреях. Сыновья разного роста, каждый из них по-своему похож на отца. У этого сына – подбородок Типу. У этого сына – короткие ноги Типу. Самый маленький, Гулам Мухаммед, похож на свою мать, но, чтобы компенсировать это, он унаследовал королевский взгляд отца. У всех сыновей одинаковые длинные белые джамы, одинаковые тюрбаны с разбухшим рубином, из которого растет белое павлинье перо. Почтенные сыновья Абдул Халик и Муиз стоят рядом, чопорные и безупречно нарядные.

Что касается жен и дочерей Типу, то они заточены в зенане, за джаали из тика, чтобы ничего не видеть и не были увиденными. (И все же они знают, как видеть то, что им видеть не положено; они видят это уже давно, вглядываясь внутрь себя, и если вы попытаете применить тот же метод, то, возможно, увидите кончик пальца маленькой девочки, идущий по углублению в резьбе джаали, которое сужается в точности как тигринный глаз из ее воображения.)

Типу Султана объявляют последним.

Гости поворачиваются к входу, смотрят, как падишах восходит по ковровым ступеням, над его головой медленно покачивается королевское опахало. Дойдя до механизма, он коротко приветствует Дю Леза и поворачивается к собравшимся.

В Раг-Махале тишина.

– Смотрите, – Типу Султан достает из патки маленькую стеклянную палочку и поднимает ее вверх. – Барометр.

Все смотрят на палочку, размером не больше ладони Типу.

– Это устройство для определения воздуха, с помощью ртути вот в этой узкой центральной трубке. – Типу указывает мизинцем на ртуть. – Барометр – или, как я его назвал, *ховарнуман*, – позволяет нам точно определять давление воздуха. К сожалению, этот барометр, присланный мне французским губернатором Пондишери, неисправен из-за старой ртути. Я попросил у него новый хороший барометр, изготовленный в нынешнем году, а также европейский трактат по его использованию, который я намерен лично перевести на персидский язык.

Типу передает неисправный барометр слуге Раджа-хану, который обходит с ним комнату.

– Я думаю, – продолжает он, – что губернатор Пондишери не случайно прислал падишаху Майсура старый и сломанный *howarnuman*. К чему такое коварство, спросите вы, ведь

мы с Францией союзники, Франция – наш друг! Это почти правда. Но в конечном итоге Европа никогда не захочет быть с нами на равных.

По залу несется ропот одобрения.

– Под моим руководством, – голос Типу заполняет весь Раг-Махал, – мы не только догоним, но и превзойдем их научные достижения. Только так мы сможем защитить наши границы от алчных и развращенных назарейцев. С этой целью королевство Майсур работает над новыми изобретениями и творениями во всех областях – от медицины до ботаники и кузнечного дела. Я нанял французских и английских ремесленников, чтобы они показали нам, как скопировать множество их устройств – от усовершенствованных мушкетов и ножниц до песочных часов и нормально работающих барометров.

– А сейчас, чтобы отпраздновать день рождения принца Муиз-уд-дина и отметить его славное возвращение и возвращение принца Абдул Халика, я представляю вам еще одно новшество, сделанное французом, которого некоторые из вас, возможно, знают. Это Муса Люсьен Дю Лез, величайший часовщик Франции и настоящий друг Майсура. С каждым днем он все больше и больше похож на истинного майсульца! Это очень хорошо. Не буду портить сюрприз, но скажу, что эта фантастическая диковинка служит цели, отличной от цели всех других изобретений, которые я приобрел, – и цели очень важной. – Типу делает многозначительную па-

узу. – Это творение раздвигает границы воображения.

Типу встает между Абдулом и Муизом, которые расступаются, чтобы освободить ему место.

На протяжении всей речи Аббас остается неподвижным, ничего не понимая, поскольку она на персидском языке. Не важно. Аббасу эти звуки кажутся изысканными и роскошными, убаюкивающими его в фантазию о том, что он наблюдает драму, не имеющую к нему никакого отношения, а только к человеку божественного происхождения. Аббасу вспоминается их первая встреча, огромный ковер пунцовых тюльпанов, на котором сидел Типу. Сейчас каждая голова в Раг-Махале – такой тюльпан, все взгляды устремлены к падишаху, как стебли к единственному источнику воды.

– Мы представляем вам, – объявляет Дю Лез, зажав кончик покрывала между пальцами, выводя Аббаса из задумчивости, – Тигра Майсура.

Простыня слетает.

Комната затаила дыхание.

Дю Лез перемещается на свою позицию между тигром и стеной. Он открывает дверь в боку, чтобы обнажить клавиши органа, которые зрители не видят. Аббас берет рукоятку потной ладонью. По кивку Дю Леза Аббас вращает рукоятку, а Дю Лез нажимает на клавиши, но кроме стука руки солдата никаких звуков не раздается.

Сводит желудок. Это провал, они потерпели неудачу.

Невозмутимый Дю Лез подходит к тигру сзади и нажима-

ет на два стопора, расположенные в левой ягодице тигра, чем вызывает хихикание одного из гостей. Вернувшись на свое место, Дю Лез начинает снова.

Всякий раз, когда Дю Лез упражнялся в мастерской, Аббас находил органную музыку гнусавой и негармоничной, этаким плаксивой фисгармонией. Теперь он понял, что ноты органа просто были заперты под низким потолком мастерской. В Раг-Махале они воспарили.

Тем временем Аббас крутит рукоятку, стараясь не отвлекаться на причинно-следственную цепочку: вращение рукоятки приводит в движение поворотный клапан, который сжимает меха, которые активируют механизм, который управляет рукой солдата. После каждого четвертого тигриного рыка раздается стон солдата.

Аббас следит за Дю Лезом, ожидая сигнала остановиться. Француз не отрывает глаз от клавиш, на носу проступают росинки пота.

– Достаточно, – произносит Типу Султан.

Дю Лез берет долгий последний аккорд и возвращается на свое место у головы тигра. Как и репетировали, они одновременно поворачиваются с Аббасом лицом к Типу и кланяются.

Мало кто в королевстве Майсур видел, как Типу улыбается во все зубы, вживую или на картинах. Его не так просто обрадовать. В тот день в Раг-Махале он улыбается, освободившись от страха, что игрушка получится не такой, как

он надеялся, что зрители сочтут ее слишком причудливой, слишком эксцентричной. Типу соединяет руки одним громким хлопком и подобно первому раскату грома разверзает небеса и обрушивает дождь аплодисментов, крики «шабаши»!

Только сейчас Аббас осознает, как пот струится по его спине, чувствует ликование – такое сильное, что руки сжимаются в кулаки. Он никогда не забудет этого удовольствия – удивить всех вокруг, включая самого себя.

* * *

Аббас кружится в вихре поздравлений, когда подходит Типу, обнимая Абдул Халика и Муиза. Их присутствие смущает Аббаса. Он напоминает себе, что самое трудное позади; Типу доволен.

– Ты оказался прав насчет мастера игрушек, – говорит Типу Дю Лезу на каннада.

– Благодарю за доверие, Падишах.

Типу снижает голос, лицо делается серьезным.

– Жаль, что во Франции приняли этот новый закон.

Дю Лез от неожиданности моргает.

– Да. Действительно.

– Здесь у тебя есть дом. – Типу кивает на Аббаса. – А теперь – и ученик.

Аббас вопросительно смотрит на Дю Леза, но француз уже склонился, чтобы обратиться к Абдул Халику и Муизу.

– Я искренне надеюсь, что принцы остались довольны.

– Ну? – говорит Типу. – Ты доволен, Муиз?

– Да, отец, спасибо.

Типу поворачивается к старшему мальчику.

– Эти люди могут сделать тебе на день рождения все, что ты захочешь. Что ты хочешь, Абдул? *Абдул*.

При втором упоминании своего имени Абдул резко оживает.

– Да, отец? Что мне нужно?

– На твой день рождения.

Задумавшись, Абдул выпячивает языком нижнюю губу.

– Прекрати, – говорит Типу.

Абдул прекращает.

– Так что ты хочешь на свой день рождения?

Абдул обдумывает вопрос. С каждой секундой тишина становится все напряженнее, комната начинает дрожать от нетерпения, наконец Абдул, отчаянно желая освободиться, произносит:

– Трайфл.

Типу хмурится.

– Что?

– Я бы хотел... – Абдул сглатывает. – Я бы хотел трайфл?

Типу смотрит на Дю Леза, тот пожимает плечами.

– Это бисквит, сверху крем, потом опять бисквит, – говорит Абдул, обреченно пытаюсь изобразить слои руками.

– А сверху снова крем, – добавляет Муиз, пытаюсь помочь.

Руки Абдула опускаются по бокам.

– Где ты пробовал эту еду? – спрашивает Типу.

– У лорда Корнуоллиса.

Все остальные разговоры смолкают. Лицо Типу становится каменным.

– Знаешь ли ты, – говорит Типу, – что человек, которого ты называешь лордом, пришел с армией в Америку, но был прогнан оттуда кучкой фермеров? Разве это достойно лорда? Вероятно, он не рассказывал эту историю – и просто закармливал вас трюфелями!

Каждому человеку в зале понятно, что Абдул сейчас заплачет, настолько неподвижно его лицо. Половина мужчин в этом зале расклеилась бы от такого. Но они не Абдул Халик, в их жилах не течет кровь Хайдара Али. Это единственное объяснение, почему восьмилетний мальчик выдержал публичную порку с такой стойкостью и без колебаний произнес:

– Отец, трюфель – это гриб.

Типу бросает взгляд на Абдула, затем на Муиза, который кусает губы, чтобы не улыбнуться. Он уже готов изгнать обоих сыновей с праздника. Но тут сквозь гнев начинает проглядывать другая мысль. Когда они стали такими нервными, его сыновья? Раньше он каждое утро завтракал с Абдулом и Муизом, и ему было легко и хорошо; мягко поругивая их, по выражению Хайдара, он будто чувствовал себя ближе к собственному отцу. Сейчас он не знает, что сказать Абдулу и Муизу. После их возвращения он не раз замечал, что

они стали другими, что теперь они, скорее, напоминают копии тех настоящих сыновей, которые заперты в доме Корнуоллиса, отказываются от всех трайфлов и клянутся в верности Тигру Майсура.

Глупая мысль, не имеющая ничего общего с реальностью.

В поле зрения появляется Пурнайя, верный Пурнайя, вооруженный здравым смыслом и хладнокровием, всегда готовый выручить его из неприятной ситуации.

– Обед накрыт на лужайке, – говорит Пурнайя.

Типу позволяет увести себя от мальчиков и решает сказать их матерям об этой нервозности.

* * *

Все сидят вокруг огромного белого покрывала, расстеленного на лужайке, под шатром, серебряная вышивка которого пляшет в лучах солнца. Аббас сидит рядом с Дю Лезом и наблюдает за происходящим. Два бурлящих котла, огонь поддерживает человек, обмахивающийся плетеным веером. Другой человек жарит чапати на гриле. Два повара готовят на открытом огне огромный шашлык из баранины, а двое других несут на носилках массивный горшок с рисом, который ставят в центр покрывала. У всех слуг рты прикрыты белыми масками, чтобы защитить еду от дыхания. Их лица блестят от пота, который они не осмеливаются вытереть.

Каждый раз, когда слуга подходит с тарелкой того или

иного блюда, Аббас кивает, требуя добавки. Скука делает его ненасытным, поэтому он ест на пределе аппетита, слишком быстро, чтобы понять, что он был сыт уже два кебаба назад.

Вокруг льются разговоры. Он рассеянно ковыряет цветок бархатца, пытаясь привлечь внимание Дю Леза, но Дю Лез погружен в беседу с Чудесной Рукой. Что это за новый закон, о котором говорил Типу? И почему при его упоминании лицо француза так осунулось? Действительно ли он останется в Майсуре и возьмет Аббаса в ученики? Аббас ищет возможность спросить, но с каждым новым блюдом становится все яснее, что Дю Лез избегает его.

* * *

После ухода высокопоставленных гостей несколько молодых людей приглашают Аббаса покурить кальян. Эти люди пышно одеты, кончики их усов закручены в шпоры. Похоже, они предполагают, что Аббас поднимается по карьерной лестнице, по крайней мере при дворе Типу, и стремятся завязать отношения в самом ее начале.

Аббас находит Дю Леза, тот с серьезным видом ковыряет пальцами марципановую пчелу.

– Ах, нет, – говорит Дю Лез в ответ на приглашение Аббаса. – Я уже ухожу. И я бы предпочел, чтобы сегодня ты ночевал в доме отца.

– Сегодня, Сахаб? Но мои вещи...

– Заберешь их завтра. Прости, но я вынужден настоять.

Дю Лез смотрит вбок. В его поведении есть что-то странное, какое-то скрытое волнение. Аббас больше не может молчать.

– Сахаб, – говорит он решительно, – ты не вернешься во Францию?

На лице француза мелькает сожаление.

– Нет, не вернусь. И сейчас мне не нужен ученик.

– А позже?

Дю Лез осторожно качает головой.

– Сахаб... – Аббас чувствует, что момент ускользает от него. – Может быть, у меня нет таланта, как у ваших прошлых учеников, но я буду работать очень усердно...

– У тебя куча талантов, Аббас. Дело не в этом.

– Тогда почему, позвольте спросить?

Дю Лез делает паузу, чтобы перевести дух.

– Нет, не позволю.

Аббас пытается протестовать, но видя бесполезность попыток, говорит: «Ладно, хорошо» и закрывает рот.

Дю Лез кладет руки на плечи Аббаса и произносит ободряющие слова. Почти не слушая, Аббас сжимает пальцами ног траву. Не о чем скорбеть, напоминает он себе. Как он может оплакивать то, чего никогда не было? Хотя зря он не принял в подарок моджари, даже не для того, чтобы носить, а чтобы помнить, что однажды он поднялся выше своей головы.

Аббас следует за своими вновь обретенными друзьями сквозь Водяные ворота, повторяя те же шаги, которые он прошел целую жизнь назад. Они собираются на крыше хавели высотой в три этажа, откуда открывается вид на город, залитый закатом, на знакомые овраги и переулки, на улыбающиеся веревки с сохнувшим бельем, на дома браминов с закрытыми дверями, на мусульманские закусовые, открытые допоздна. В наступающей темноте завывают собаки. Никогда еще город не казался таким маленьким.

Крыша заполняется новыми людьми. За Аббаса поднимают тосты и чествуют его как создателя Тигра Типу, описывая сам механизм гиперболическими прилагательными. Он пытается объяснить, что был всего лишь помощником великого французского изобретателя Люсьена Дю Леза. Никто не желает слушать. Они выдыхают струи дыма и рассказывают загадочные анекдоты.

– У каждого мужчины должно быть четыре жены, – заявляет парень, пригласивший Аббаса. – Персиянка для общения, турчанка для работы по дому, индианка для воспитания детей и узбечка для битья в назидание другим. (Почему узбечка? – недоумевает Аббас, всегда воспринимавший их как захватнический народ; вероятнее всего, ударив узбечку, ты сам уйдешь со сломанным ребром.)

Стоящий рядом человек предлагает отпить из серебряной фляги. Аббас отказывается.

– Это харам.

– Харам, харам, – стонет мужчина. – Гарун аль-Рашид любил женщин и выпивку. Кто более праведен, чем он, скажи мне? У кого больше таквы³³? У парня, который все время говорит «харам, харам», или у того, с кого начался Золотой век ислама?

Дальше Аббас почти все время молчит, но в следующий раз, когда к нему попадает фляга, он опрокидывает ее в свой стакан с лимонным соком. Сладковатый вкус переходит в неприятное послевкусие. От углей разлетаются искры. Наблюдая за ними, он мрачнеет.

Его беспокоит не лекция Аль-Рашида, а напутственные слова Дю Леза. *Куча талантов*. Это самый большой комплимент, который Аббас когда-либо получал. И все же. Кучи недостаточно, чтобы стать учеником француза. Для этого Аббасу нужно... что? Гора? Разве не с кучи следует начинать, чтобы возвести гору? Он размышляет, не был ли бы он счастливее без всяких куч? Скучно, зато необременительно.

Небо над городом темнеет. Измученный, он закрывает глаза – всего лишь на мгновение, скоро он встанет и пойдет домой. Задремав, он чувствует на себе чью-то руку и слышит теплый голос:

– Ты чего такой грустный, Всезнайка?

³³ Благочестия.

Аббас с изумлением смотрит на сидящего напротив него Хваджу Ирфана. При свете свечи заметны изменения в его лице: заострившиеся скулы, запавшие глаза. На щеке красуется узкий розовый шрам. Шелковый халат переливается разными оттенками: в одном месте золотистым, в другом – фиолетовым, общее великолепие неизменно.

– Друг мой, – говорит Аббас, обретая голос. – Я думал, ты умер.

– Логичное предположение.

– Но что случилось, где ты был? Расскажи.

Хваджа Ирфан окидывает его холодным взглядом. Его глаза кажутся остекленевшими, а зрачки такими большими и черными, что поглощают свет свечи; в них не видно ни малейшей искры.

– Нет смысла оглядываться назад, – говорит он. – Поверь мне, жизнь слишком коротка.

– Чья жизнь? – спрашивает Аббас, но Хваджа Ирфан не слышит. Он оглядывает присутствующих и возвращается взглядом к Аббасу. – *Чья жизнь?* – требовательно повторяет Аббас.

Хваджа Ирфан наклоняет голову, лицо полно жалости.

– Нет, – шепчет Аббас. – Еще рано...

Он чувствует толчок в бок и резко просыпается.

– Еще рано что? – говорит охранник, хмуро оглядывая его.

Аббас садится прямо. Его окружают непонимающие

взгляды, ни один из которых не принадлежит Хвадже Ирфану.

– Соберись, – говорит охранник. – Тебя вызывают.

* * *

Аббас садится на спину королевского коня, стараясь сохранить равновесие, и они галопом проносятся через другие ворота – для важных персон – и быстро прибывают в Раг-Махал.

Войдя в зал, Аббас застаёт Типу, хмуро разглядывающего клавиши органа.

– Клавиши не издают звука, – раздраженно говорит Типу. – Даже когда я вытаскиваю стопоры.

– Разреши, Падишах? – дождавшись кивка Типу, Аббас берется за рукоятку, объясняет, как она приводит в действие меха, нагнетающие в трубы воздух, и старается не думать о том, что он разговаривает с Типу Султаном.

– Поверни, – говорит Типу. – Дай мне посмотреть.

Аббас поворачивает рукоятку. Типу нажимает несколько клавиш, издавая высокий, диссонансный звук. Одобрительно хмыкает.

Отступив назад с поклоном, Аббас чувствует бурление газа в нижней части живота. Он винит кальян, шашлык, оратора с фляжкой.

– Ты играешь? – спрашивает Типу.

– Прости меня, Падишах. Месье Дю Лез играет – мне привести его?

– Нет, нет. Я просто хотел отвлечься.

Типу кладет руку на загривок тигра и задумчиво рассматривает одну из полосок. Белки его глаз покраснели, должно быть от бессонницы, предполагает Аббас, хотя предполагать что-либо в отношении падишаха как-то неправильно, поэтому он пытается сосредоточиться на контроле своего метеоризма, но чем больше он думает о контроле, тем меньше ему кажется, что у него есть какой-то контроль. Он сжимает всего себя и молится, чтобы аудиенция была короткой.

– Этой ночью мне приснился сон, – начинает Типу, разрушая все надежды на краткость. – Красивый молодой человек, незнакомец, подошел и сел рядом со мной. Я заговорил с ним, довольно весело перебрасываясь шутками, как с женщиной, знаешь. В конце концов этот человек поднялся, снял тюрбан, и длинные, ароматные, очень женские волосы рассыпались по его плечам. Это была первая странность. А потом он распахнул свой халат и показал женское лоно. – Типу обращает свои налитые кровью глаза на Аббаса. – Лono. Что это значит?

Аббас не знает, что ответить.

– Почему я спрашиваю мастера игрушек? – произносит Типу, и в этот момент Аббас чувствует, что его тело взбунтовалось, газ выпускается, и ему остается только сказать то, что первым приходит на ум:

– Англичане носят парики.

Типу смотрит на него с досадой, вызванной то ли ответом, то ли газами – Аббас не может понять.

– Англичане носят женские парики, похожие на женские волосы, – сбивчиво продолжает Аббас. – Поэтому даже в солдатской одежде, в конце концов, они, как и женщины, лишь бегут с поля боя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.